

«Душераздирающее, удивительное и обнажающее
душу приключение». — ЛОРИ ГОТТЛИБ, автор бестселлера
New York Times «Вы хотите поговорить об этом?»

ГРУППА

как один психотерапевт
и пять незнакомых людей
спасли мне жизнь

РЕАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ

КРИСТИ ТЕЙТ

Служебная тайна. Неизвестная
сторона известных профессий

Кристи Тейт

**Группа. Как один психотерапевт
и пять незнакомых
людей спасли мне жизнь**

«ЭКСМО»

2020

УДК 159.922.1
ББК 88.5

Тейт К.

Группа. Как один психотерапевт и пять незнакомых людей спасли мне жизнь / К. Тейт — «Эксмо», 2020 — (Служебная тайна. Неизвестная сторона известных профессий)

ISBN 978-5-04-169940-6

Кристи Тейт — молодая девушка, лучшая ученица в своем классе юридической школы, успешно прошедшая практику в крупной фирме. Все в жизни девушки складывается прекрасно, но она едет по шоссе и в ее голове одна лишь навязчивая мысль: «Вот бы кто-нибудь прикончил меня выстрелом в голову». Эти маниакальные мысли отправляют ее на поиски терапии, и она попадает в нетрадиционную группу, возглавляемую харизматичным психотерапевтом. Доктор Розен выписывает ей рецепт из восьми слов, который наконец изменит ее жизнь: «Вам не нужно лекарство. Вам нужны только свидетели». Она занимает свое место и становится психологически и эмоционально обнаженной в комнате с шестью совершенно незнакомыми людьми. Групповая терапия разбивает ее на части, а затем собирает заново, чтобы все части наконец подошли друг другу. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 159.922.1

ББК 88.5

ISBN 978-5-04-169940-6

© Тейт К., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Часть I	6
1	6
2	11
3	15
4	22
5	29
6	33
7	37
8	43
9	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Кристи Тейт

Группа. Как один психотерапевт и пять незнакомых людей спасли мне жизнь

© Мельник Э., перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Моему психотерапевту и членам группы,
с которыми я имею честь делить круг*

Часть I

1

Когда я впервые пожелала смерти – в смысле по-настоящему, чтобы она похлопала меня по плечу своей костлявой дланью и сказала: «Сюда», – в моей машине на переднем пассажирском сиденье стояли два пакета из магазина «Овощи и фрукты Стэнли»: капуста, морковь, немного слив, перец-колокольчик, репчатый лук и две дюжины красных яблок. Прошло три дня после посещения офиса университетского казначейства, где секретарь юридической школы вручил мне выписку с номером моего места в студенческом рейтинге, и этот номер теперь преследовал меня. Я повернула ключ зажигания и подождала, пока мотор придет в себя на 32-градусной жаре.

Я вытащила из пакета сливу, помяла пальцами и надкусила. Кожица была плотной, зато мякоть под ней – нежной. По подбородку потек сок.

08:30. Утро. Мне некуда податься, нечем заняться. Никто не рассчитывал увидеться со мной раньше утра понедельника, когда нужно явиться в «Лэрд, Гриффин и Гриффин» – юридическую фирму, специализировавшуюся на трудовом законодательстве, где я проходила летнюю стажировку. В «ЛГиГ» только администратор и партнер, который меня нанял, знали о моем существовании. Четвертое июля в этом году пришлось на среду, то есть мне предстоял еще один душный пустой день в середине недели. Найду встречу одной из 12-шаговых групп¹ и буду надеяться, что кто-нибудь после окончания захочет пойти попить со мной кофе. Может, другая одинокая душа пожелает вместе сходить в кино или съесть по салатику. Двигатель загудел, пробуждаясь к жизни, и я выехала с парковки.

Вот бы кто-нибудь прикончил меня выстрелом в голову.

Успокаивающая мысль с холодной обсидиановой поверхностью. Если бы я умерла, мне не пришлось бы придумывать, чем заполнить 48 часов выходных – или праздничную пустоту в среду, или следующий уикенд. Мне не пришлось бы терпеть часы жаркого, тяжелого одиночества, простиравшиеся передо мной, – часы, которые превратятся в дни, месяцы, годы. В целую жизнь, где нет ничего, кроме меня самой, пакета с яблоками и слабенькой надежды, что какому-нибудь страдальцу после встречи выздоравливающих, возможно, захочется компании.

В голове мелькнула мысль о недавнем сюжете в новостях: стрельбе с человеческими жертвами в Кабрини-Грин, многоквартирном чикагском гетто с дурной славой. Я выехала в южном направлении по Клайборн-авеню и на Дивижн-стрит повернула налево. Может, поймаю какую-нибудь шальную пулю.

Пожалуйста, кто-нибудь, пристрелите меня.

Я повторяла это как мантру, как заклинание, как молитву, которая, вероятно, останется без ответа, потому что я – 26-летняя белая женщина, едущая в 10-летней белой «хонде аккорд» солнечным летним утром. Кому и зачем в меня стрелять? Врагов нет; да я вообще едва существовала. В любом случае, реализоваться эта мысль могла, только если бы мне сильно повезло – в прямом или переносном смысле, смотря что вы считаете везением, – но за ней незваными-непрошеными гостями посыпались другие. Выпрыгнуть из окна высотного здания. Броситься под поезд метро². Останавливаясь на углу Дивижн и Ларраби, я обдумывала более экзотические варианты.

¹ Программа 12 шагов разработана обществом Анонимных алкоголиков (АА) и применяется многочисленными организациями для помощи людям с разнообразными зависимостями. Участников групп (как правило, со свободным посещением) называют выздоравливающими. – *Здесь и далее прим. ред.*

² Метрополитен Чикаго состоит из 8 линий общей протяженностью 170,8 км, причем 91,9 км линий проходит над землей

тические способы самоубийства, например, повеситься, одновременно мастурбируя. Но кого я обманывала? Я была слишком скованной для такого сценария.

Я выудила из сливы косточку и сунула остаток мякоти в рот. Действительно ли я хочу умереть? Куда ведут меня эти размышления? Это суицидальные мысли? Депрессия? Решусь ли я их осуществить? И следует ли это делать? Я опустила стекло и швырнула косточку как можно дальше.

Подавая заявление в юридическую школу, я описала мечту – защищать женщин с телами типа «неформат» (с ожирением); но это было правдой лишь отчасти. Мой интерес к феминистской адвокатской деятельности был неподдельным, но это не главная мотивация. Я не гналась за раздутыми гонорарами, как и за громкими делами. Нет, я пошла в юридическую школу, потому что юристы работают по 60–80 часов в неделю. Они планируют конференц-коллабы во время рождественских каникул, а в День труда их вызывают в суд. Юристы обедают за рабочим столом, в окружении коллег с закатанными рукавами и пятнами пота под мышками. Юристы могут быть женаты на работе – настолько важной, что даже не замечают пустоты в личной жизни, как на парковке в полночь. Или ничего не имеют против.

Адвокатская работа была общественно приемлемой ширмой для моей жалкой личной жизни.

Свой первый практический вступительный тест LSAT³ я взяла со стола, за которым выполняла обязанности на тупиковой секретарской работе. У меня был диплом магистратуры по специальности, по которой я не работала, и бойфренд, с которым я не трахалась. Годы спустя я буду называть Питера «трудоголиком-алкоголиком», но в то время называла его «любовью всей жизни». Я звонила ему в офис в половине десятого вечера, готовясь лечь спать, и обвиняла, что у него никогда нет на меня времени. «Я *должен* работать», – отвечал он и отключался. Когда я перезванивала снова, он не брал трубку. По выходным мы ходили по низкопробным барам в Уикер-Парке⁴, чтобы Питер мог посмаковать крафтовое пиво и порассуждать о достоинствах ранних альбомов группы R.E.M., а я в это время безмолвно молилась, чтобы он остался достаточно трезвым и был в состоянии заняться сексом. Это случалось редко. В конечном счете я решила, что мне нужно какое-то всепоглощающее занятие, способное впитать ту энергию, которую я пыталась вливать в никакие отношения. Женщина, работавшая в соседнем кабинете, осенью собиралась начать учебу в юридической школе. «Можно одолжить у вас задачник с образцами тестов?» – спросила я. И прочла первую задачу:

«Преподаватель должен составить расписание для семи студентов в течение дня, для чего отведены семь разных следующих друг за другом периодов времени, пронумерованных числами от одного до семи».

Далее следовал ряд утверждений, типа: *Мэри и Оливер должны следовать друг за другом, а Шелдон должен стоять в расписании после Юрайи*. Согласно указанию, чтобы ответить на шесть вопросов с разными вариантами ответов об этом преподавателе и его головоломке с расписанием, отводилось 35 минут. Мне потребовался почти час. И половину ответов я не угадала.

И все же! Помучиться с подготовкой к экзамену, а потом тянуть ляжку в юридической школе казалось проще, чем исправить то, что заставило меня сперва влюбиться в Питера, а потом вечер за вечером выдерживать один и тот же бой.

Юридическая школа могла удовлетворить жажду общности с другими людьми, соизмерить мои мечты с их чаяниями.

(по эстакадам), 59,4 км – по земле и лишь 19,5 км – под землей.

³ Стандартизированный тест для поступающих в юридические вузы.

⁴ Модный район Чикаго.

* * *

Учась в средней школе для девочек в Техасе, я записалась на годичный курс гончарного мастерства. Мы начали со шипковой техники и постепенно добрались до гончарного круга. После того как сосуды были сформированы, учительница научила нас приделывать ручки. Если хочешь соединить две глиняные детали – скажем, чашку и ручку, – нужно сделать насечки на поверхности обеих. Насечки – горизонтальные и вертикальные бороздки в глине – помогали деталям спечься вместе, когда их обжигали в печи. Я сидела на табурете, держа одну из своих грубо вылепленных «чашек» и ручку в форме буквы С, а учительница демонстрировала процесс нанесения насечек. Мне не хотелось портить гладкую поверхность «чашки», которую я так любовно формовала, поэтому я прилепила ручку, не сделав насечки на поверхности. Через пару дней наши поблескивающие обожженные шедевры красовались на полке у задней стены студии. Моя чашка выжила, но ручка лежала рядом, рассыпавшись на несколько частей. «Неправильно нанесена насечка», – сказала учительница, увидев мое погрустневшее лицо.

Вот такой я всегда воображала поверхность своего сердца – гладенькой, зализанной, ни к чему не прикрепленной. Не за что ухватиться. Никаких насечек. Никто не мог привязаться ко мне с тех пор, как навалилось неизбежное пекло жизни. Я подозревала, что эта метафора идет еще глубже – я боюсь портить сердце насечками, которые естественно возникают между людьми, когда неизбежно сталкиваешься со стремлениями, требованиями, мелочностью, предпочтениями других и всеми будничными взаимодействиями, которые и составляют отношения.

Насечки требовались для привязанности, а на моем сердце не было бороздок.

* * *

Нет, я не была сиротой, хотя по первым параграфам может показаться именно так. Родители, по-прежнему счастливо женатые, жили в Техасе в том же красно-кирпичном доме в сельском стиле, где я выросла. Если проехать мимо дома номер 6644 по Теккерей-авеню, то увидишь потрепанное жизнью баскетбольное кольцо и веранду, украшенную тремя флагами: «Старой Славой»⁵, флагом штата Техас и коричневым флагом с логотипом Техасского сельскохозяйственно-механического университета. Техасский А&М – альма-матер отца. И моя.

Родители звонили примерно дважды в месяц, чтобы узнать, как дела, обычно после мессы по воскресеньям. Я всегда приезжала на Рождество. Когда перебралась в Чикаго, они купили мне гигантское зеленое пальто-пуховик от *Eddie Bauer*. Мама отправляла чеки на \$50, чтобы были карманные деньги; папа по телефону диагностировал проблемы с тормозами у «хонды». Младшая сестра доучивалась в аспирантуре и готовилась к помолвке с бойфрендом, с которым была вместе почти всю жизнь; брат и его жена, сладкая парочка с университетских времен, жили в Атланте рядом с десятками своих друзей по колледжу. Никто не знал о моем сердце без насечек. Для них я была все той же странноватой дочерью и сестрой, которая голосовала за демократов, любила стихи и поселилась к северу от линии Мэйсона-Диксона⁶. Они любили меня, но на самом деле рядом с ними в Техасе я не чувствовала себя своей. В детстве мама, бывало, играла на рояле боевой марш Техасского А&М, а папа подпевал во все горло: «Хула-

⁵ Государственный флаг США.

⁶ До гражданской войны в США служила символической границей между свободными штатами Севера и рабовладельческими штатами Юга.

балу-канек-канек! Хулабалу-канек-канек!» Он устроил для меня экскурсию по университету, и когда я выбрала его для поступления – преимущественно потому что он был по средствам семье, – папа был в искреннем восторге, ведь в семье появилась еще одна «эгги»⁷. Он никогда этого не говорил, но наверняка разочаровался, узнав, что все футбольные матчи я просиживала в библиотеке, выделяя маркером пассажи из «Уолдена»⁸, в то время как двадцать тысяч болельщиков пели, топали ногами и вопили, когда «эгги» забивали гол, – так громко, что дрожали библиотечные стены. Казалось, все в семье и вообще в Техасе без ума от футбола.

Я же была белой вороной. Сокровенная тайна, которую я носила в себе, заключалась в следующем: я чужая. Везде. Половину дней я, как одержимая, заморачивалась на еде, своем теле и тех странных способах, которыми пыталась контролировать то и другое, а вторую половину пыталась побороть одиночество достижениями в учебе. Какими угодно – начиная с почетных грамот в школе и среднего балла не ниже 4.0 в колледже и заканчивая запикиванием в голову теории юриспруденции по семь дней в неделю. Я мечтала однажды явиться в дом номер 6644 по Теккерей-авеню под ручку со здоровым, нормальным мужчиной, гордо устремив позвоночник прямо в небеса.

Я и не подумала открыться семье, когда начали появляться тревожащие мысли о смерти. Мы могли разговаривать о погоде, о «хонде» и об «эгги». Ни один из моих тайных страхов не вписывался ни в одну из этих категорий.

Я пассивно мечтала о смерти, но не копила таблетки и не подписывалась на рассылку общества «Болиголова»⁹. Я не искала в сети советы, где добыть пистолет или как смастерить петлю из поясов. У меня не было ни плана, ни метода, ни даты. Но я ощущала дискомфорт, постоянный, как зубная боль. Оно казалось ненормальным – это пассивное желание, чтобы смерть меня забрала. Что-то в том, как я жила, заставляло меня желать перестать жить.

Я не помню слов, в которые складывались мысли, когда думала о своем недуге. Я знала, что ощущаю жажду, однако не могла внятно ее выразить и не понимала, как удовлетворить. Иногда говорила себе: «Мне просто нужен бойфренд» или «Я боюсь умереть в одиночестве». Эти утверждения правдивы. Они краешком цепляли кость жажды, но не добирались до костного мозга отчаяния.

В дневнике я писала смутные слова, окрашенные дискомфортом и беспокойством: *Мне страшно, и я тревожусь за себя. Я боюсь, что со мной не все в порядке, что никогда ничего не будет в порядке и я обречена. Мне от этого не по себе. Что со мной не так?* Я не знала тогда, что существует словосочетание, которое идеально определяет мою болезнь: чувство одиночества.

Кстати, на той выписке от казначея с номером моего места в рейтинге курса была цифра один. Уно. Ферст. Примеро. Цуэрст. Все сто семьдесят других студентов моего курса имели средний балл ниже. Я превзошла свою цель – попасть в лучшую половину курса, что после моего более чем посредственного результата на вступительном тесте (я так и не смогла разобраться, куда следовало вставить собеседование Юрайи) казалось непосильной задачей. Следовало бы быть без ума от радости. Следовало бы открывать кредитки с нулевым балансом. Купить «лабутены». Подписать договор аренды на новую квартиру на Золотом берегу Австралии. Вместо этого я была первой на курсе и завидовала солисту INXS, который умер от аутоэротической асфиксии.

Да что со мной, черт возьми, не так? Я носила брюки сорок шестого размера, у меня была грудь размера D, и студенческий кредит позволял покрывать расходы на квартиру-студию в

⁷ Aggie – пренебрежительное прозвище «агариив», студентов сельскохозяйственных вузов.

⁸ «Уолден, или Жизнь в лесу» – главная книга американского поэта и мыслителя Генри Дэвида Торо.

⁹ Аллюзия на фильм «Общество «Болиголова»», главная героиня которого впадает в депрессию и попадает в школу самоубийц – или на организацию в защиту права на смерть и помощь самоубийцам *Hemlock Society*, существовавшую в США в 1980–2003 гг.

строящемся районе на северной стороне Чикаго. Восемь лет я была участницей 12-шаговой программы, где меня учили, как питаться, чтобы не совать палец в глотку через полчаса после приема пищи. Будущее сияло, как бабушкино полированное серебро. У меня были все причины для оптимизма.

Но отвращение к себе из-за тупиковости – я была далека от других, в сотнях световых лет от романтических отношений – поселилось в каждой клетке тела.

Существовала какая-то причина того, что я чувствовала себя такой отчужденной и одинокой, причина, по которой сердце было таким гладким. Я не знала, что это, однако чувствовала пульсацию, когда засыпала с желанием больше не проснуться.

Я уже проходила 12-шаговую программу и выполнила «моральную инвентаризацию»¹⁰ – четвертый шаг – со своим куратором¹¹, женщиной, которая жила в Техасе, и загладила вину перед людьми, которым навредила. Я съездила в «Академию урсулинок», свою бывшую католическую школу для девочек, с чеком на \$100, возмещаая те деньги, которые украла, когда в десятом классе заведовала сбором денег за школьную парковку. 12-шаговая программа положила конец самым крайним излишествам моего неорганизованного питания и, казалось, спасла мне жизнь. Почему же теперь я хочу с этой жизнью расстаться? Я призналась куратору из Техаса, что у меня появляются мрачные мысли.

– Я мечтаю о смерти каждый день.

Она посоветовала ходить на встречи в два раза чаще.

Я послушалась – и почувствовала себя еще более одинокой.

¹⁰ Глобальная морально-этическая оценка своих ошибок, приведших в точку «здесь и сейчас», то есть фактически некое подобие подготовки к «исповеди» и перемене пути, которые должны случиться на последующих этапах программы.

¹¹ Или спонсор – это человек, который ранее прошел этап 12-шаговой программы и помогает другим пациентам пройти ее.

2

Через пару дней после того как я узнала свое место в рейтинге курса, женщина по имени Марни пригласила меня на ужин после встречи 12-шаговой программы. Как и я, она была выздоравливающей булимичкой. Однако в отличие от меня ее жизнь была более-чем-не-одинокой: Марни, всего на пару лет старше меня, работала в лаборатории, проводившей передовые эксперименты по новым способам лечения рака груди; они с мужем недавно перекрасили входную группу дома в колониальном стиле в цвет маклюры краской *Sherwin-Williams*; она отслеживала овуляцию. Ее жизнь была неидеальна – семейные отношения часто штормило, – но Марни делала то, чего хотела. Моим первым интуитивным желанием было отказаться от приглашения, поехать домой, снять лифчик и съесть свои 113 г фарша из индейки и печеной моркови в одиночестве, смотря «Клинику»¹².

Так я обычно делала – находила отмазки, – когда люди после встреч приглашали меня присоединиться к ним за кофе или ужином.

«Товарищество» – так они это называли. Но прежде чем я успела отказаться, Марни коснулась моего локтя.

– Просто поехали со мной. Пэта нет в городе, а я не хочу ужинать одна.

Мы сидели друг против друга за столиком, на котором стоял «здоровый» ужин из хлеба с пророщенным зерном и жареным бататом. Вид у Марни был какой-то особенно цветущий. У нее что, блеск на губах?

– Ты кажешься счастливой, – заметила я.

– Это все мой новый терапевт.

Я гоняла вилкой по тарелке листик шпината. А мне мог бы помочь терапевт? Мелькнул проблеск надежды. Летом перед поступлением в юридическую школу я посетила восемь бесплатных сеансов, которые проводил социальный работник – в рамках программы помощи сотрудникам. Меня направили к кроткой женщине по имени Джун, которая носила длинные юбки «в стиле прерии» (и не для эпатажа, а всерьез). Я не рассказала ей ни одну из своих тайн, потому что боялась расстроить. Терапия, как и истинная близость с людьми, казалась переживанием, которое я могла наблюдать лишь с улицы, прижавшись носом к окну.

– Я хожу в женскую группу.

– Группу?..

У меня тут же закаменела шея. Я питала глубокое недоверие к любым группам после неудачного опыта в пятом классе, когда родители перевели меня в местную общественную школу из той маленькой католической начальной, где размер классов стремился к нулю. В новой я влилась в компанию популярных девочек, возглавляемую Бьянкой, которая каждую обеденную перемену раздавала желатиновые конфетки и носила на шее цепочку с шариками из чистого золота. Как-то раз я ночевала у Бьянки, и ее мама возила нас на своем серебристом «мерседесе» смотреть «Свободных». Но в середине года подруга на меня ополчилась. Она решила, что я нравлюсь ее мальчику, поскольку мы с ним сидели рядом на истории. Однажды за обедом она угостила конфетами всех, кроме меня. И сунула под мою сумку с ланчем записку: *Мы не хотим видеть тебя за нашим столом*. Ее подписали все девочки. К тому времени я уже знала, что в связях между мной и другими людьми чего-то не хватает. Нутром чувствовала, что не умею поддерживать контакт, не умею не оказываться изгоем. 12-шаговые группы я еще худобно терпела, потому что каждую встречу состав менялся. Туда можно приходить и уходить, когда вздумается, и никто не знает твоей фамилии. Там нет вождей – никакой тебе «королевы

¹² Американский комедийно-драматический телевизионный сериал, посвященный работе и жизни молодых врачей.

пчел» Бьянки, способной изгонять других членов группы. 12-шаговую же спланировал набор духовных принципов: анонимность, скромность, честность, единство, служение. Не будь этого, я бы ни за что там не осталась. К тому же стоимость посещения была практически нулевой, хотя и рекомендовались пожертвования в \$2. За стоимость бутылки диетической колы я могла провести там шестьдесят минут, признавая свое нарушение питания и слушая о связанных с пищей горестях и победах других людей.

Я наколола на вилку ломтик помидора и стала подыскивать интересные темы, которые можно было затронуть в разговоре с Марни, – казнь бомбиста из Оклахомы Тимоти Маквея или новый проект Колина Пауэлла. Хотелось впечатлить ее знанием текущих событий и продемонстрировать способность к общению. Но группа терапии, в которую ходила Марни, зацепила мое любопытство. Стараясь казаться незаинтересованной, я спросила, что она собой представляет.

– Там только женщины. Мэри теряет слух, а Зенья вот-вот лишится медицинской лицензии из-за голословных обвинений в том, что она что-то там мухлежала с Медикэр. Отец Эмили – наркоман, живет в квартире с одной спальней в Вичите и достает ее ненавистническими письмами, – Марни подняла руку и ткнула пальцем в нежную, мясистую внутреннюю поверхность предплечья. – А наша новенькая себя режет. Всегда ходит с длинным рукавом. Мы пока не знаем ее историю, но наверняка там что-то адски мрачное.

– Ужас какой! – не так я это себе представляла. – А разве тебе можно все вот так рассказывать?

Она кивнула.

– Теория нашего терапевта состоит в том, что хранение тайн – процесс токсичный, поэтому мы – члены группы – можем говорить что хотим и где хотим. Терапевта связывает принцип конфиденциальности между врачом и пациентом, но нас – нет.

Никакой конфиденциальности? Я отодвинулась к спинке стула и потрясла головой. Под столешницей нервно намотала на запястье салфетку. Нет, это точно не для меня. Я однажды намекнула школьной учительнице миз Грей, что у меня не все в порядке с режимом питания. Та позвонила родителям и предложила помощь, мама пришла в ярость. Я как раз доедала остатки печенья с блюда и смотрела интервью Опри с Уиллом Смитом, когда она ворвалась в гостиную, злобная, как шершень с оторванным крылом. «Зачем ты рассказываешь кому-то о личном? Ты *должна* защищать себя!» Моя мама – настоящая южанка, которая в 1950-х воспитывалась в городе Батон-Руж. Рассказывать людям о своих делах было вульгарностью, которая могла повлечь за собой нежелательные социальные последствия. Она была убеждена, что меня предадут остракизму, если кто-то узнает, что у меня психические проблемы, и хотела защитить. Когда я начала ходить на 12-шаговую программу, учась в колледже, мне потребовалось все имевшееся мужество, чтобы поверить: другие люди будут воспринимать условие анонимности так же серьезно, как и я.

– И что, кому-то становится лучше?

Марни явно было лучше, чем мне. Если бы мы снимались в рекламе тампонов, я была бы той моделькой, что морщится из-за запаха и протечек, а она делала бы жете в белых джинсах в свой второй день.

Марни пожала плечами.

– Попробуй – и узнаешь.

У меня была другая терапия. В старших классах, недолго, с одной женщиной, которая походила на Полу Дин и носила брючные костюмы в пастельных тонах. Родители послали меня к ней после того, как миз Грей позвонила насчет моего питания. Но я настолько старательно выполняла мамин приказ защищать себя, что так и не рассказала ничего о том, что чувствовала. Вместо этого мы обсуждали, куда мне пойти на летнюю подработку в торговом центре. В *Express* или *Gap*? Однажды она отправила меня домой с психологическим тестом на пять-

сот вопросов. Надежда струилась по моим пальцам, пока я заполняла кружки ответов; эти вопросы, наконец, раскроют тайну – почему я не могу перестать есть, почему я чувствую себя чужой везде, куда бы ни пошла, и почему никто из мальчиков не интересуется мной, когда всех других девчонок целуют в засос и лапают напропалую.

Пола прочла результаты своим идеально выверенным терапевтическим голосом:

– Кристи – перфекционистка и боится змей. Идеальной профессией для Кристи был бы ремонт часов или хирургия, – она улыбнулась и наклонила голову вбок. – Змеи такие страшные, правда?

Мне и в голову не приходило показать ей свои слезы и панику.

Чтобы раскрыться, нужен терапевт, способный услышать эхо боли в моем молчании и углядеть крохотный хвостик истины под моим отрицанием.

Пола на это была не способна. После того сеанса я усадила родителей поговорить и сказала, что переросла терапию. Оно и к лучшему. Родители расцвели от гордости, и мама поделилась философией: «Просто реши быть счастливой. Фокусируйся на позитиве, не вкладывая энергию в негативные мысли». Я кивала. Отличная идея. По дороге через коридор в спальню завернула в ванную комнату и выблевала ужин – привычка, которую я завела после того, как прочла книгу о гимнастке, делавшей то же самое. Мне нравилось это ощущение, когда выбрасываешь из себя пищу, и приток адреналина из-за наличия тайны. В шестнадцать лет я думала, что булимия – гениальный способ контролировать безжалостный аппетит, заставлявший горстями пихать в себя крекеры, хлеб и пасту. Только выздоравливая, я поняла, что булимия была моим способом контролировать бесконечные приступы тревожности, одиночества, гнева и скорби, которые не удавалось выпустить наружу – я не представляла как.

Марни протащила еще кусочек батата по лужице кетчупа.

– Доктор Розен примет тебя...

– Розен? Джонатан Розен?

Я *совершенно точно* не могла позвонить доктору Розену. К нему ходил Блейк – парень, с которым я познакомилась летом перед поступлением в юридическую школу. Он уселся рядом со мной и спросил: «Какой у тебя тип пищевого расстройства?» Ткнул пальцем в морковные палочки на тарелке и добавил: «Не смотри на меня так. Я встречался с анорексичкой и двумя булимичками, жалевшими, что они не анорексички. Я знаю твой тип». Он состоял в АА¹³, был «временно без работы» и предложил покатать меня на яхте. Мы поехали на велосипедах на берег озера – смотреть фейерверки в честь «Четвертого июля»¹⁴. Мы лежали на палубе его яхты, плечо к плечу, глядя на очертания Чикаго на фоне неба, и разговаривали о выздоровлении. Мы пробовали веганскую еду в «Чикаго Дайнер» и по субботам вечером перед его встречами в АА ходили в кино. Когда я спросила, считать ли мне его своим бойфрендом, он не ответил. Иногда Блейк исчезал, чтобы по несколько дней кряду слушать альбомы Джонни Кэша в своей квартире с наглухо зашторенными окнами.

Я могла бы ходить на консультации к тому же терапевту, что и Марни, но я точно не пошла бы к терапевту бывшего парня, кто бы он ни был. Вот я вся такая позвоню доктору Розену и скажу: «Помните ту девицу, которая прошлой осенью занималась с Блейком анальным сексом, чтобы излечить его от депрессии? Так вот, это была я! Вы принимаете страховые полисы «Голубого Креста – Голубого Щита»?»

– Сколько эта терапия стоит?

Ну, спросить-то не вредно, хотя у меня не было ни малейшего сознательного намерения вступить в группу терапии.

¹³ Анонимные алкоголики.

¹⁴ День независимости США.

– Да сушие гроши – семьдесят баксов в неделю.

Я выдохнула жаркий воздух, надув щеки. Это мелочь для Марни, которая руководила лабораторией в Северо-Западном университете и чей муж унаследовал небольшое семейное состояние. Если бы я почти перестала покупать продукты и начала ездить на автобусе, а не водить машину, *возможно*, у меня появились бы лишние семьдесят баксов к концу месяца. Но каждую неделю?! На летней стажировке я зарабатывала по \$15 в час, а родители были людьми с девизом «просто будь счастлива», так что попросить денег я не могла. Через два года мне было почти гарантировано рабочее место, но как выкроить их из студенческого бюджета?

Марни вслух проговорила номер телефона доктора Розена, но я не записала.

А потом она сказала еще одно:

– Он только что снова женился – постоянно улыбается.

И я тут же представила сердце доктора Розена: красную открытку-вырезалку перво-клашки на Валентинов день с рисками, исполосовавшими его поверхность, точно голые древесные сучья зимой. Я спроецировала на доктора Розена, человека, которого никогда не встречала, душераздирающий развод, одинокие вечера в квартирке, взятой в субаренду, с готовыми ужинами, которые надо разогревать в микроволновке. А потом неожиданный поворот: второй шанс на любовь с новой женой. В груди улыбавшегося терапевта билось сердце с насечками. Моя грудь заполнилась любопытством и тоненькой, подрагивающей надеждой на то, что он сможет помочь.

Тем вечером, лежа в постели, я думала о женщинах из группы Марни: о той, что предположительно резала себя, о мошеннице, о дочери наркомана. Я думала о Блейке, у которого сформировались тесные узы с мужчинами из его группы. После сеансов он приходил домой, до краев полный историями об Эзре, у которого была надувная кукла вместо подружки, и Тодде, чья жена выбросила все его вещи на обочину, когда захотела развода. Неужели у меня все еще хуже, чем у этих людей? Неужели мою болезнь, чем бы она ни была, так уж невозможно излечить? Я ни разу не давала шанса настоящей психиатрии. У врачей были медицинские дипломы и степени – может, моя проблема требовала навыков человека, который во время учебы препарировал человеческое сердце? Может, у доктора Розена найдется для меня совет – что-то такое, что он сможет сообщить мне за один-два сеанса. Может, есть какая-то таблетка, которую он может прописать, чтобы снять остроту моего отчаяния и нанести насечки на мое сердце.

3

Я нашла его номер в телефонном справочнике и оставила сообщение на автоответчике через два часа после ужина с Марни. Он перезвонил на следующий день. Разговор длился меньше трех минут. Я попросила о встрече, он назначил время, и я согласилась. Повесив трубку, я поднялась и стояла в своем кабинете, дрожа всем телом. Дважды садилась, чтобы возобновить работу, и оба раза, высидев не больше тридцати секунд, вскакивала с кресла и принималась расхаживать. Разум настаивал, что не такое уж большое событие – записаться на прием к врачу, но адреналин, курсировавший по венам, намекал на обратное. Тем вечером я написала в дневнике: *Я положила трубку и разразилась слезами. У меня было ощущение, что я все не так сказала и не понравилась ему, и чувствовала себя разоблаченной и уязвимой.* Мне было все равно, сможет ли он помочь; меня интересовало только, понравилась я ему или нет.

Приемная оказалась самой обычной докторской приемной: пасхальная лилия, черно-белая фотография мужчины, простирающего руки в стороны и повернувшегося лицом к солнцу. Книжная полка с книгами типа «Нет созависимости», «Разрушенные карты любви» и десятками бюллетеней АА. Рядом с внутренней дверью две кнопки: под одной написано «группа», а под другой – «доктор Розен». Я нажала вторую, чтобы дать знать о себе, а потом устроилась в кресле у стены лицом к двери. Чтобы успокоить нервы, взяла журнал *National Geographic* и стала рассматривать фотографии величественного полярного волка, галопом мчащегося по безлесной равнине. Во время телефонного разговора мужчина показался мне серьезным. Я слышала в голосе характерные гласные Восточного побережья. Я слышала неулыбчивое достоинство сурового священника, у которого отсутствовало чувство юмора. Какая-то часть души надеялась, что он будет слишком занят для встречи со мной раньше чем через пару недель или месяцев, но он предложил ее всего через сорок восемь часов.

Дверь в приемную распахнулась ровно в 13:30. Худощавый мужчина средних лет в красной водолазке от *Tommy Hilfiger*, брюках-хаки и черных кожаных лоферах открыл дверь. На лице была легкая улыбка – дружелюбная, но профессиональная. То, что осталось на его голове от выющихся мелким бесом седеющих волос, стояло дыбом, вызывая смутную ассоциацию с Эйнштейном. Разминувшись с ним на улице, я не стала бы присматриваться. С первого взгляда стало ясно, что он слишком молод, чтобы годиться мне в отцы, и слишком стар, чтобы захотеть его трахнуть, – идеальный вариант. Я проследовала за ним по коридору в кабинет, где окна на северной стороне выходили на многоэтажное здание универмага «Маршалл Филд». Для пациентов было несколько вариантов посадочных мест: потрепанный диванчик, обтянутый тканью, офисный стул с прямой спинкой или гигантское пухлое черное кресло рядом со столом. Я выбрала последнее. Мой взгляд привлек рядок гарвардских дипломов в рамках. Гарвардцев я уважала. У меня были мечты о Лиге Плюща, но финансов и экзаменационных результатов хватало только на государственные университеты. Для меня сертификаты Лиги означали, что этот чувак из высшего слоя. Элита. Сливки общества. А еще если даже он не сможет мне помочь, значит, «пипец» мне окончательный и безоговорочный.

Устроившись в кресле, я хорошенько рассмотрела его лицо. Пульс ускорился, пока я разглядывала нос, глаза и прямую линию губ. Сложила все это вместе и осознала: я его знаю. Я жала губы, когда это осознание проникло в мозг. Я совершенно точно его знала.

Этот доктор Розен был тем самым Джонатаном Р., которого я видела на встрече программы для людей с нарушениями питания три года назад. В 12-шаговых программах люди знают друг друга только по именам и инициалам фамилий для сохранения анонимности. Встречи для людей с пищевыми расстройствами похожи на встречи АА: члены группы собираются в церковных залах, где делятся историями о том, как еда разрушает их жизнь. Как и более знаменитое братство АА, чьи встречи описаны в фильмах Мег Райан и упоминаются во

всяких-разных телефильмах – от «Западного крыла» до «Полиции Нью-Йорка», зависимые от еды собирают жетоны безмятежности и получают кураторов, чтобы научиться жить без приступов обжорства, искусственной рвоты, голодания и членовредительства. В отличие от АА, на большинство встреч 12-шаговых программ, которые посещала я, приходили женщины. За десять лет мужчин, которых я видела, можно было пересчитать по пальцам. Одним из них был психиатр с гарвардским образованием, сидевший сейчас в метре от меня в ожидании, когда я открою рот.

Я кое-что знала о Джонатане Р. как о личности. О мужчине. О мужчине с расстройством пищевого поведения. Я помнила, что он рассказывал о своей матери, о своем хронически больном ребенке, о чувствах в отношении собственного тела.

Терапевту полагается быть чистым листом. А доктор Розен был весь в пятнах.

Я пошевелилась, сев так, чтобы он видел меня целиком. Что он сделает, когда – выгонит сразу? Выражение его лица оставалось открытым, любопытным. Прошло пять секунд. Кажется, он меня не узнал и ждал, пока я заговорю. Теперь его «гарвардство» меня утешало. Как показать себя одновременно остроумной и измученной, как Дороти Паркер или Дэвид Леттерман? Я хотела, чтобы доктор Розен воспринял мои недавно появившиеся фантазии о смерти всерьез, но все равно нашел меня неотразимо очаровательной и, может быть, самую малость «ебательной». По моим прикидкам он проявил бы большую готовность помочь, если бы считал меня привлекательной.

– Я неудачница в отношениях и боюсь, что умру в одиночестве.

– Что это значит?

– Я не умею сходиться с людьми. Что-то останавливает меня, как невидимый забор. Я чувствую, что иду на попятный, вечно. С мужчинами... я всегда западаю на таких, которые пьют, пока не начнут блевать или вырубаться...

– Алкоголиков.

Не вопрос – утверждение.

– Да. Моя первая школьная любовь каждый день курил травку и изменял мне. В колледже я влюбилась в красивого колумбийца, который был алкоголиком и имел постоянную подружку, а потом встречалась с наркоманом, сидевшим на «травке». После него был славный парень, но я его бросила...

– Потому что...?

– Он провожал меня на занятия, дарил экземпляры своих любимых книг и просил разрешения, прежде чем меня поцеловать. У меня от него вся шерсть вставала дыбом.

Доктор Розен улыбнулся.

– Вы боитесь эмоционально доступных мужчин. Подозреваю, и женщин тоже.

Снова утверждения. Не вопросы.

– От надежных парней, которые выражают интерес ко мне, хочется блевать.

Мне вспомнилась сценка в предыдущее Рождество, когда я была в Техасе, навещая родителей, и столкнулась в магазине *Banana Republic* с бывшей школьной подружкой. Когда Лия окликнула меня по имени, я стояла рядом с блейзерами и оксфордскими рубашками. Она с жаром кинулась меня обнимать, а я оцепенела. Лия отстранилась, на ее лице промелькнула тень шока – типа «я думала, мы друзья», – а потом стала расспрашивать меня о Чикаго и юридической школе. Пока мы разговаривали, стоя в потоке покупательниц, охочих до сладких рождественских скидок, я не могла отделаться от мысли, что Лии нет никакого смысла разговаривать со мной, поскольку она теперь – успешный физиотерапевт без расстройства пищевого поведения и странной болезни, заставляющей ее захлопываться, как устрица, когда человек из прошлого пытается ее обнять. Мы были близки в школе, но отделились в выпускном классе, когда мое пищевое расстройство пошло вразнос, а меня целиком поглотили старания заставить первого бойфренда перестать мне изменять.

– Вы булимичка?

– Выздоровливающая – двенадцать шагов, – проговорила я торопливо, надеясь, что мои слова не станут триггером для его воспоминаний о том, как я представляюсь в группе – «Кристи, выздоравливающая булимичка». – Эта программа помогла мне с булимией, но с отношениями никак не получается...

– В одиночку и не получится. Кто входит в вашу систему поддержки?

Я упомянула своего спонсора Кэди, домохозяйку и мать взрослых детей, которая жила в захолустном тexasском городишке, где я училась в колледже. С ней я была близка, как ни с кем, – звонила каждые три дня, но лично не встречалась ни разу за пять лет. Еще была разношерстная подборка женщин вроде Марни, с которой я контактировала во время (и иногда после) встреч 12-шаговой программы. Друзья по юридической школе, которые не знали о моих проблемах. Друзья из средней школы и колледжа в Техасе, которые пытались поддерживать контакт, но я редко отвечала на телефонные звонки и никогда не принимала предложения приехать в гости.

– У меня начали появляться фантазии о смерти, – я сжала губы. – С тех пор как выяснила, что я лучшая на своем курсе в юридической школе...

– Мазл тов¹⁵.

Его улыбка была такой искренней, что пришлось отвернуться к дипломам, чтобы не разразиться слезами.

– Дело не в Гарварде и не в чем-то другом... – на это он поднял брови. – И в любом случае, ну, будет у меня отличная карьера, а дальше что? Зато ничего другого не будет...

– И поэтому вы выбрали юриспруденцию.

Уверенные диагнозы и обезоруживали, и успокаивали.

В нем не было ничего от Полы Ди с ее вопросами о змеях.

– Какая история сложилась у вас в голове о том, как вы стали вами? – спросил доктор Розен.

– В семье не без уроды.

Не знаю, почему я это сказала.

– Лучшая на своем курсе в юридической школе – и притом урод?

– Быть лучшей в учебе не значит ни хрена, если я умру в одиночестве без единой родной души.

– Что вы имеете в виду? – спросил он.

Слово «хочу» эхом звенело у меня в голове. *Хочу, хочу, хочу*. Я ошупью искала способ высказать свою жажду в утвердительном предложении, а не просто выплеснуть мысль, как я не хочу умереть в одиночестве.

– Я хочу... – я запнулась.

– Мне хотелось бы...

Снова остановка.

– Я хочу быть настоящей. С другими людьми. Я хочу быть настоящей личностью.

Он продолжал смотреть на меня с выражением типа «что еще?». В сознании проплыли обрывки других желаний: я хотела бойфренда, который будет пахнуть чистым хлопком и каждый день ездить на работу. Я хотела тратить меньше 50 % времени своего бодрствования на размышления о размерах тела. Я хотела каждый раз принимать пищу вместе с другими людьми. Я хотела наслаждаться сексом и стремиться к нему так же сильно, как женщины из «Секса в большом городе». Я хотела вернуться в балетный класс – страсть, от которой пришлось отказаться, когда выросли грудь и мясистые бедра. Я хотела иметь друзей, чтобы вместе

¹⁵ Пожелание удачи на идише, на иврите звучит как «мазаль тов».

путешествовать по миру, после того как я через два года сдам адвокатский экзамен. Я хотела восстановить контакт с подругой по колледжу, которая жила в Хьюстоне. Я хотела обнимать одноклассников, случайно столкнувшись с ними в торговом центре. Но ничего этого я не сказала, потому что все это казалось мне частностями. Банальностями. Я тогда еще не знала, что терапия, как и писательское ремесло, зависит от деталей и подробностей.

Он сказал, что включит меня в группу. Не следовало удивляться, но слово «группа» подействовало на меня, как удар под дых. Там будут люди – люди, которым я могу не понравиться, которые будут лезть в мои дела и нарушать эдикт матери: не выставлять свои психические мучения на всеобщее обозрение.

– Я не могу заниматься в группе.

– Почему?

– Моя мать была бы против. Много людей, и все узнают о моих делах...

– Так не говорите ей.

– А почему я не могу ходить на индивидуальные сеансы?

– Группа – единственный известный мне способ привести вас туда, куда вы хотите попасть.

– Я дам вам пять лет.

– Пять лет?

– Пять лет, чтобы изменить мою жизнь, а если не получится, я пас. Может, покончу с собой.

Я хотела стереть с его лица эту улыбку, хотела, чтобы он знал: я не стану торчать здесь вечно и каждый раз тащиться в деловой центр города, чтобы поговорить о своих чувствах с другими надломленными людьми, если в жизни не будут происходить какие-то существенные перемены. Через пять лет мне исполнится тридцать два. Если в этом возрасте у меня по-прежнему будет гладкое, непривязанное сердце, я с собой покончу.

Он подался вперед.

– Вы хотите, чтобы в течение пяти лет в вашей жизни появились близкие отношения?

Я кивнула, мужественно терпя дискомфорт от пристального взгляда.

– Мы можем это сделать.

Я боялась доктора Розена, но стану ли я сомневаться в психиатре, получившем образование в Гарварде? Его сила – этот смех, эти утверждения – меня напугала, но и заинтересовала. Такая уверенность! *Мы можем это сделать.*

Стоило согласиться на группу, и в меня сразу же вселилась уверенность, что с доктором Розеном непременно случится какая-то катастрофа. Я воображала, как двенадцатый автобус наезжает на него перед «Старбаксом». Я представляла, как его легкие обрастают злокачественными опухолями, как его тело поддается боковому амиотрофическому склерозу.

– Если встретишь Будду на дороге, убей его, – сказал доктор Розен на нашем втором сеансе в ответ на рассказ об этих страхах.

– А вы разве не еврей?

Фамилия еврейская, «мазл тов», домодельное кружево с буквами иврита, украшавшее стену напротив дипломов.

– Это выражение означает, что вам следовало бы молиться, чтобы я умер.

– Зачем?

– Если я умру, – он хлопнул в ладоши и улыбнулся улыбкой чокнутого проказника, – появится кто-то лучше меня.

Его физиономия едва не трескалась от радости, словно он верил, что случиться может что угодно – вот вообще что угодно, – и это будет чудеснее и лучше всего, что было раньше.

– Однажды на пляже на Гавайях я стала свидетельницей несчастного случая. Человек, с которым я там была, утонул – я ощутила подъем в груди, глядя, как расширяются его глаза при виде моей сдетонировавшей бомбы.

– Иисусе! Сколько вам было?

– Без трех недель четырнадцать.

Тело завибрировало от тревожности, что случилось всякий раз, когда всплывала тема Гавайев. Тем летом, в упоительный миг между восьмым классом и началом учебы в новой католической школе для девочек, подруга Дженни пригласила меня поехать вместе с ней и ее родителями на Гавайи. Мы три дня обследовали главный остров: пляжи с черным песком, водопады, участвовали в луау¹⁶. На четвертый день поехали на уединенный пляж на краю острова, и отец Дженни утонул в прибое. Я никогда не умела рассказывать об этом событии. Мама называла его «несчастливым случаем», другие люди говорили – «утонул». В тот вечер, когда это произошло, мама Дженни звонила родственникам, оставшимся в Далласе, рыдая в трубку: «Дэвида убили!» У меня не было слов для случившегося, для воспоминаний о том, как мы вытаскивали его обмякшее тело из океана, поэтому я об этом не рассказывала.

– Хотите сказать что-то еще?

– Я не стану молиться о том, чтобы вы умерли.

* * *

Если завести в поисковую строку слова «встретить Будда убить», то найдется ссылка на книгу с названием «Если встретишь Будду на дороге, убей его! Паломничество психотерапевтических пациентов»¹⁷.

Очевидно, психотерапевтические пациенты, которые отныне стали и моим племенем, должны усвоить: терапевты – просто люди, испытывающие те же трудности, что и их пациенты.

Это был первый звоночек, сигнал о том, что доктор Розен не собирается давать готовые ответы. А возможно, их у него нет. Я добавила в свой фантазийный ролик о мрачной кончине врача образ самой себя, вгоняющей деревянный кол в его сердце. Что меня весьма расстраивало – и не только потому, что я спутала Будду с Дракулой.

На первом курсе колледжа бойкие, популярные девушки из Остина пригласили меня поехать вместе с ними на машине в Новый Орлеан. План был такой: жить у кузины одной из девушек и предаваться разгулу во Французском квартале, пока не придет пора возвращаться в кампус. Я сказала, что мне нужно подумать, хотя уже знала ответ. В качестве отмазки я сослалась на домашнее задание, несмотря на то что шла только вторая неделя занятий, и единственным заданием было прочесть первую половину «Беовульфа», которого я уже читала в средней школе.

Компании меня страшили, хоть и прошло немало лет после Бьянки с ее конфетами. Где я буду спать там, в Новом Орлеане? Что, если не пойму их шутки? Что, если кончатся темы для разговора? А вдруг они догадаются, что я не так богата, крута или счастлива, как они? Что, если они узнают, что я не девственница? А вдруг узнают, что я спала только с одним парнем? Что, если узнают мои тайны, связанные с едой?

Как, скажите на милость, я смогу ходить в группу с одними и теми же людьми каждую неделю?!

¹⁶ Праздники-пирушки в гавайском стиле.

¹⁷ Автор Шелдон Копп.

– Я вас знаю. По встречам двенадцати шагов, – выпалила я посреди второго сеанса. Я боялась, что доктор Розен однажды вспомнит меня, и тогда ему придется выгнать меня из своей практики, потому что мы вместе бывали на встречах. – Много лет назад, когда я жила в Гайд-Парке¹⁸.

Он наклонил голову к плечу и прищурился.

– Ах, да-да! То-то я смотрю, ваше лицо кажется мне знакомым.

– Это означает, что вы не сможете меня лечить?

Его плечи затряслись, когда он разразился проказливым смехом.

– Я слышу желание.

– Что? – я во все глаза смотрела на его веселое лицо.

– Вы подумываете согласиться лечиться у меня – и начинаете придумывать причины, по которым ничего не выйдет.

– Это был обоснованный страх.

Снова смех.

– Да что такое-то?

– Если вы войдете в одну из моих групп, я хочу, чтобы вы рассказали группе все-все подробности, которые запомнились вам из моих рассказов о себе во время встреч.

– Но ведь ваша анонимность...

– Мне не нужно, чтобы вы меня защищали. Это не ваша работа. Ваша работа – рассказывать.

Моя дневниковая запись после второго сеанса была странно пророческой: *Я нервничаю из-за того, что в терапии раскроется, как я питаюсь... Я испытываю сильные эмоции в связи с доктором Розеном и его ролью в моей жизни. Страх из-за того, что мои тайны выплывут наружу. Страх такой огромный.*

Доктор Розен разговаривал коанами¹⁹.

– Голодающий не голоден, пока не откусит первый кусок, – сказал он.

– Я не анорексичка!

О, конечно! Я мечтала о приступе анорексии все старшие классы, когда не могла перестать жрать чипсы, но она никогда не была моей проблемой.

– Это метафора. Когда вы дадите доступ группе – откусите этот первый кусок, – только тогда почувствуете, насколько одиноки.

– Как это – дам доступ группе?

– Поделитесь с ними каждым аспектом жизни, которая мало-мальски связана с отношениями. Дружба, семья, секс, ухаживание, романтическая любовь. Все это.

– Зачем?

– Так вы дадите им доступ.

* * *

Перед началом работы в группе пациент получает три индивидуальных сеанса. На последнем мои плечи расслабились, и я свернулась клубком в черном кожаном кресле доктора Розена. Я крутила указательным пальцем браслет на запястье и то сбрасывала туфлю, то снова надевала ее. Я привыкла к нему; он был моим странным старым приятелем. И нечего бояться. Я пересказала, что помнила о нем по встречам, и он сказал, что это не повод для отмены терапии. Единственное, что оставалось, – это утрясти частности, например, в какую группу меня

¹⁸ Один из районов Чикаго.

¹⁹ Коан – короткое повествование, вопрос, диалог, обычно не имеющие логической подоплеки. Обычно содержат алогизмы и парадоксы, понимаемые интуитивно.

включить. Врач предложил смешанную группу, собиравшуюся утром по вторникам, состоявшую из врачей и юристов, которые встречались с 07:30 до 09:00. Группу «профессионалов». Я никак не представляла в ней мужчин. Или врачей. Или юристов.

– Погодите-ка, а что будет со мной, когда я начну заниматься в группе?

– Вы будете чувствовать себя одинокой, как никогда в жизни.

– Эй, придержи коней, Гарвард! – я резко выпрямилась в кресле. – Вы хотите сказать, я буду чувствовать себя *хуже*?

Я только что побывала на встрече с деканом студентов юридической школы, договорилась о частном кредите на медицинское лечение за 10 % годовых, чтобы оплатить новую терапию. И теперь доктор Розен сообщает, что из-за группы я буду чувствовать себя хуже, чем тем утром, когда я ехала в машине, обливаясь сливовым соком и молясь, чтобы в мой мозг влетела шальная пуля?!

– Совершенно верно, – он кивнул, энергично, словно пытаясь сбросить что-то с макушки. – Если вы всерьез намерены вступать в близкие отношения – стать настоящим человеком, по вашим же словам, – необходимо прочувствовать все чувства, которые вы душили в себе с тех пор, как были ребенком. Одиночество, тревогу, гнев, ужас.

Смогу ли я пройти через это? Хочу ли я этого? Любопытство к этому мужчине, к его группам и к тому, как у них получится сделать насечки на моем сердце, конечно, подтачивало сопротивление, но самую малость.

– Можно, я позвоню вам и сообщу?

Он отрицательно качнул головой.

– Ваше решение нужно сегодня.

Я сглотнула, покосилась на дверь и стала взвешивать варианты. Обязательства меня пугали, но еще больше я боялась выйти из его кабинета с пустыми руками: ни группы, ни других вариантов, ни надежды.

– Отлично. Я согласна, – я подхватила сумку, готовясь вернуться на работу и всласть попереживать из-за того, что дала согласие. – Один последний вопрос. Что будет происходить, когда я начну ходить в группу?

– Все ваши тайны выйдут наружу.

4

– Сверху или снизу?

Плотный лысеющий мужчина с огромными зелеными глазами и в очках с проволочной оправой кинул в меня этим приветствием на моем первом групповом сеансе. Это потом я узнала, что парнем, начавшим «дедовщину», был Карлос – острый на язык гей, врач, ближе к сорока, – который ходил к доктору Розену уже пару лет.

– В сексе. Сверху или снизу? – уточнил он.

Краем глаза я видела, как доктор Розен переводит взгляд с одного члена группы на другого, точно газонная поливалка с таймером. Я разгладила перед юбки. Что ж, если им нужна разнузданная, секс-позитивная Кристи, я ее обеспечу.

– Сверху, конечно.

Разумеется, эта Кристи была придуманной версией меня, которая на бестактные вопросы незнакомых отвечала исключительно улыбкой. Под истрепанными нервами и ускорившимся пульсом пряталась та часть, которой хотелось плакать, потому что искренне ответить можно было только так: понятия не имею, как мне нравится заниматься сексом. Я не встречалась с мужчинами, способными на регулярный секс – по причине депрессии и зависимостей. Я сказала «сверху», потому что у меня было смутное воспоминание об удовольствии с первым школьным бойфрендом, баскетбольной звездой и любителем «травки», который регулярно потраховывал меня на переднем сиденье «шеви», принадлежавшего моему отцу.

Доктор Розен театрально прокашлялся.

– Что?

Это был первый раз, когда я в упор посмотрела на него с того момента, как начала посещать группу. Он открыл дверь приемной и пустил меня, Карлоса и еще двух пациентов в угловую комнату в противоположном конце коридора от кабинета, куда я приходила на индивидуальные сеансы. В этой групповой комнате размером четыре на четыре метра было семь вращающихся кресел, составленных в кружок. Солнечный свет полосатил комнату, просачиваясь в промежутки горизонтальных жалюзи. В одном углу – книжный стеллаж, где выстроились книги по зависимостям, созависимости, алкоголизму и групповой терапии. На нижней полке – широкий ассортимент мягких игрушек и боксерские перчатки; всего столько, что едва не вываливается. Я выбрала место лицом к двери, то есть «на девять часов» от места доктора Розена, если считать его «полуднем». Кресло под задницей оказалось жестким и тихонько поскрипывало, когда я чуть разворачивала его влево и вправо. Честно говоря, я рассчитывала, что выпускник Гарварда мог бы обеспечить и более удобные сиденья.

– Как насчет честного ответа? – спросил доктор Розен. Его ухмылка бросала вызов, словно он без тени сомнения знал, что я начну групповую карьеру, прячась под маской сексуально здоровой женщины.

– Например?

– Почему вам вообще не нравится секс.

Мое лицо вспыхнуло. Ну, нет, так бы я не сказала.

– Неправда. Я обожаю заниматься сексом, просто не могу найти того, с кем могла бы это делать.

В моем прошлом существовали оргазмы и секс, от которого поджигались пальцы на ногах: в колледже колумбиец-алкоголик трогал мое лицо и целовал меня так, что я вспыхивала, как свержновоя. И мне искренне нравилось быть сверху в тех немногих эпизодах со школьным бойфрендом, от души подмахивая, разворачивая наступление на свою сексуальность так, как способна только насосавшаяся слабоалкогольной газировки семнадцатилетняя девчонка.

Я не знала, куда подевалась та похороненная я, или почему не смогла ее удержать.

Мужчина, по виду годившийся мне в деды, с военной стрижкой и бородкой, как у полковника Сандерса²⁰, – проктолог на пенсии – вставил реплику:

– Такая красотуля, как ты? Да быть того не может!

Он что, насмехается?

– Мужчины не... реагируют на меня.

Слезы подступали. Прошло две минуты с начала сеанса, а я уже расклеилась. Мне вспомнилось, как на второй год учебы в католической школе нас отправили в духовный ретрит²¹, и руководительница начала с истории о своем булимическом прошлом. Я в ответ разревелась и призналась в своей булимии перед кучей четырнадцатилетних девчонок, с которых потом взяла клятву о неразглашении. Это был первый раз, когда я рассказала другим о том, что очищаю желудок. Сидя напротив Полковника Сандерса, я чувствовала, как та самая ретритная растерянность подбирается, нависает надо мной: что будет, если я раскрою рот – это спасет мне жизнь или уничтожит меня, как и предсказывала мать?

– Что ты имеешь в виду – не «реагируют»? – Полковник явно насмехался.

– Парни *всегда* подкатывают к моим подругам и никогда – ко мне. Так было всегда, еще со школы.

В смешанных компаниях в барах или на вечеринках я всегда держалась чуть в сторонке, вечно не зная, куда деть руки, боясь смеяться обычным смехом или вступать в разговор, потому что всегда пыталась сообразить, как понравиться парням. И так было не только с американцами. Мы с подругой Кэт после колледжа объехали всю Европу, и никто на меня не запал. Даже в Италии. Тем временем парни из Мюнхена, Люцерна и Брюгге штабелями укладывались вокруг Кэт и игнорировали меня.

Раздался звонок, и доктор Розен нажал кнопку на стене за спиной.

Три секунды спустя вошла улыбающаяся женщина лет пятидесяти, с облупившимся бирюзовым лаком на ногтях, перетравленными краской оранжевыми волосами и хриплым голосом заядлой курильщицы. Ее отделанная бахромой блузка из искусственного шелка скорее годилась для Вудстока, чем для Чикаго. Я пару раз видела ее на встречах программы 12 шагов.

– Я Рори, – представилась она мне и другому пожилому мужчине, сидевшему напротив, который тоже был новичком. Точно мать-наседка, она указывала пальцем на каждого из присутствующих и называла их имена и профессии. Оказалось, Полковника Сандерса звали Эдом. Карлос – дерматолог. Патрис – партнер по акушерской практике. Сама Рори – поверенный по гражданским правам. У другого новичка в группе, Марти, были брови, как у Граучо Маркса²², и привычка каждые десять секунд шмыгать носом. Он назвался психиатром, работающим с беженцами из Юго-Восточной Азии.

– Так, значит, ты пришла, чтобы чаще заниматься сексом? – продолжил с того же места Полковник Сандерс.

Я пожала плечами. Буквально пару секунд назад я уже призналась, но теперь хотелось дать задний ход из-за принципов, въевшихся в мой костный мозг. Хорошие девочки *этого* не хотят. Феминисткам *это* не надо. Хорошие девочки вообще не разговаривают об *этом*, особенно в смешанных компаниях. Мать умерла бы, если бы узнала, что я говорю об *этом* с незнакомыми людьми.

²⁰ Основатель KFC.

²¹ Ретрит (англ. *Retreat* – «уединение», «удаление от общества, затвор») – международное обозначение времени, посвященного духовной практике.

²² Джулиус Генри «Граучо» Маркс – американский актер, комик, участник комик-труппы, известной как Братья Маркс.

После разговор теннисным мячиком перескочил на Рори, которая упомянула, что попросила у отца денег для оплаты своих счетов. Доктор Розен тут же подвел Рори к истории о том, как ее отец выжил в Польше в Холокост, несколько лет прячась в сундуке. Потом разговор резко свернул на Карлоса, который отказывался платить по счету.

Пока группа зигзагом перескакивала с одной темы на другую, я переминалась с ягодицы на ягодицу на твердокаменном кресле. Вздыхала и разочарованно откашливалась. Никакие мои вопросы не решились. Неужели никого не интересуют мои ответы? Мои зареки? Что еще хуже, для тех историй, которые рассказывали они, у меня, новенькой, не было никакого контекста. Почему ушел с работы ассистент Карлоса? Почему Рори кажется такой антисемиткой, если ее отец пережил Холокост в сундуке? Что за проблема с ее просроченным счетом по карте?

В какой-то момент сеанса я стала перебирать пальцами бусины своего жемчужного браслета, точно четки, пытаюсь успокоиться. Доктор Розен наблюдал за мной, своей свеженькой лабораторной крыской. Потом напишет замечание в историю болезни? *КТ во время групповой дискуссии манипулирует украшением, перебирая его пальцами. КТ демонстрирует классические признаки человека с серьезными проблемами близости, острой подавленностью. Трудный случай.*

После трех индивидуальных сеансов у меня возникло ощущение, что, несмотря на его самонадеянность и странное чувство юмора, между нами возникли какие-никакие узы. Я верила, что он меня понимает. Но теперь казалось, что мы совершенно чужие друг другу. Я мысленно называла его засранцем.

В группе, как оказалось, были неписанные правила.

– Ты ноги скрестила, – сказал Полковник Сандерс. Я посмотрела на правую ногу, лежащую на левой. Все дружно повернулись ко мне.

– И что? – окрысилась я.

– Мы здесь этого не делаем, – мужчина продолжал сверлить взглядом мои ноги. Я торопливо расплела их.

– Почему?

Если выставлять меня душой – это такой способ лечения, я успею исцелиться к Рождеству.

– Это значит, ты не открыта, – подал голос Карлос.

– Это значит, тебе стыдно, – это уже Рори.

– Ты эмоционально захлопываешься, – теперь Патрис.

Групповая комната была аквариумом: негде спрятаться от шести пар глаз в кругу. Они могли читать язык моего тела. Составлять оценки. Делать выводы. Могли *видеть* меня. От этой оголенности появилось желание скрестить ноги и просидеть так до конца сеанса. До конца времен.

Тут ожил доктор Розен:

– Что вы чувствуете?

Вместо того чтобы выпалить идиотский ответ, который, как я думала, заработает мне пару очков – *я чувствую, что групповая динамика придает мне сил*, – я поглубже вдохнула и стала искать правду. Меня выбили из колеи, но я решила, что правда вполне может сгодиться как отправная точка. Это работало в 12-шаговой программе – я и жива-то потому, что снова и снова рассказывала на встречах о своей булимии.

Ничто в моей жизни – ни хорошие оценки, ни стройное тело, ни обжимания с красивым гулякой-латиносом – не придавало мне сил так, как голая правда о том, что я вызываю рвоту после каждой трапезы.

Первое в жизни истинное, полнотелесное ощущение силы я испытала после первой 12-шаговой встречи, когда села на скамейку с одной женщиной из группы и рассказала, как поедая, а потом выbleвывая еду, которую ворую по всему студенческому кампусу. Я ощутила

силу оттого, что отвернулась от наказа матери – не рассказывать другим людям о моих делах. Я выдала тайну, не заботясь, что кто-то из семьи может от меня отвернуться, потому что я, наконец, поняла: хранить тайны – значит отворачиваться от себя самой. Если в групповой терапии и есть путь к здоровью – а я не была уверена, что есть, – то его фундамент наверняка заложен на правде. Никакого другого пути не было. И ни один из этих людей не был знаком с моей матерью или ее подругами. Так что больше никакого сопротивления.

– Готовность защищаться.

И откуда, спрашивается, я должна была знать, что *мы* не скрещиваем ноги?

Доктор Розен покачал головой.

– Это не чувство.

– Но я именно это...

Теперь я разозлилась и была *совершенно уверена*, что это чувство.

Оказалось, есть еще одно правило:

– В чувствах, как правило, всего несколько слогов: стыд, гнев, тоска, обида, печаль, страх... – доктор Розен объяснял чувства, как Фред Роджерс²³, разговаривающий с дошкольником. По всей видимости, стоило отклониться от двух слогов в сторону увеличения – и вот ты уже умничаешь, по сути, бежишь прочь от простой истины своих чувств.

– И счастье, – добавила Рори.

– Но его ты здесь не почувствуешь, – вставил Карлос. Все рассмеялись. Уголки моих губ приподнялись в улыбке.

Доктор Розен кивнул в мою сторону.

– Так что такое «готовность защищаться»?

Мой первый мини-тест. Я хотела дать правильный ответ. Это казалось такой же трудной задачей, как найти для Шелдона место в расписании из практического экзаменационного теста. Я пробежалась по списку чувств. Пришло на ум «разочарование», но в нем было сильно больше двух слогов. Бешенство? Нет, тоже много. Три. Три слепые мышки. Трижды пропел петух. Трижды упал Иисус. Три было числом священным. Три было числом библейским. Да почему я не могу воспользоваться трехсложным словом?! Вот отличный вариант: *адиос*!

– Гнев? – сказала я.

– Я расслышал кое-что другое. Может, стыд?

Я сказала это вслух:

– Мне стыдно?

Мне представлялось, что стыд – это то, что приходится прорабатывать пережившим инцест или ритуальное насилие. Стыд был достоянием людей, которые совершали серьезные сексуальные грехи или голыми творили непотребства на публике. Мое ли это достояние? Я всегда была в одежде, даже в постели – во время секса я часто не снимала лифчика. Был ли *стыд* подходящим словом для ощущения, что все во мне неправильно и должно быть похоронено под идеальными экзаменационными оценками? Было ли стыдом то чувство, которое я девочкой ощущала в балетном классе, мечтая о миниатюрном теле, как у всяких Дженнифер и Мелисс? Было ли это слово названием для того отвращения к телу, ощущаемого в детстве всем нутром, сидя рядом с подругами и младшей сестрой и сравнивая просторные равнины своих бедер с их деликатными птичьими косточками?

Я хотела быть первой ученицей в терапии, как была первой в юридической школе. Проблема номера первого, разумеется, заключалась в том, что он не исцелял одиночества и ни на миллиметр не приближал меня к другим людям. Плюс тот факт, что я не имела представления, как быть «отличницей» в групповой терапии.

²³ Создатель, продюсер и ведущий популярной детской телепрограммы.

Разумеется, кардинальным правилом Розен-ленда было не хранить никаких тайн от членов группы. Оно выплыло тогда, когда Карлос заговорил о женщине по имени Линн, которая была в другой розеновской группе. По словам мужчины, та планировала уйти от мужа, причиной отчасти послужила эректильная дисфункция. Я почесала нос и метнула взгляд в доктора Розена. Как может он позволять говорить о неработающем пенисе какого-то невинного несчастного? А что, если я этого человека знаю? Когда Марни упомянула об отсутствии любых секретов, я и не представляла, что доктор Розен будет на самом деле соучаствовать в сплетнях о других пациентах *прямо посреди сеанса*.

– А конфиденциальность? – заикнулась я.

– Мы здесь ее не соблюдаем, – ответила Рори. Патрис и Карлос подтвердили ее слова энергичными кивками. В моем разуме мелькнуло воспоминание о матери, бранившей меня в пятом классе. Я нарушила данное обещание, чтобы допустить людей из программы 12 шагов, но они связывались духовным принципом анонимности, который был у всех на глазах – присутствовал прямо в названии программы. А чем связаны эти шуты гороховые?

– И как же чувствовать себя в безопасности?

– Что заставляет вас думать, что конфиденциальность даст вам чувство безопасности? – доктор Розен воодушевился, явно готовый просвещать меня.

– Групповая терапия всегда конфиденциальна, – для меня авторитетом была одна подруга из аспирантуры, которой пришлось подписывать соглашение о конфиденциальности во время вступления в группу. – Может, я не хочу, чтобы о моих тайнах трепалась вся ваша группа и все ее знакомые!

– Почему нет?

– До вас не доходит, почему я хочу сохранения тайны личной жизни?

На лицах, глядящих на меня, не было ни тени возмущения.

– Возможно, это вам нужно задаться вопросом, почему вы так настаиваете на приватности.

– Разве это не стандартная практика?

– Она допустима, но хранить тайны от других людей вреднее, чем позволить другим людям знать о ваших делах.

Хранить тайны – это способ держаться за стыд, который вам не нужен.

На каком-то уровне я понимала, о чем он говорил. Обжоры, приходившие на встречи выздоравливающих, поправлялись, если рассказывали свои истории. Но каждая 12-шаговая встреча начинается с напоминания: *Все, что вы здесь услышите, останется здесь, когда вы уйдете*. Когда эту фразу читают вслух, люди на встрече хором повторяют: *Верно! Верно!* Доктор Розен был обязан хранить мои тайны как мой психиатр, но здесь находились еще пять человек, которые услышат каждое произнесенное мной слово. Стены комнаты групповой терапии не были преградой для стремящегося наружу потока информации. Что, если я однажды стырила денежки в адвокатской фирме, на будущем рабочем месте? Что, если у меня синдром раздраженного кишечника и я обделалась прямо на Мичиган-авеню? Что, если я спала с человеком, не знающим правил пунктуации? Что я буду чувствовать, зная, что какой-нибудь Джо Чмо из мужской группы, собирающейся по средам, в любой момент может услышать обо всех подробностях акробатического секса, которым я надеюсь однажды заняться?

– И что я от этого получу?

Я тогда не знала, что этот вопрос будет вылетать из моего рта столько раз, что превратится отчасти в мантру, отчасти в коронную фразу.

– Место, куда сможете приходите и говорить о чем угодно, а вас не будут просить хранить чьи-то тайны. Никогда.

В конце сеанса доктор Розен сложил перед собой ладони.

– На этом сегодня остановимся.

Все встали. Для меня доктор Розен пояснил:

– Мы завершаем сеансы так же, как встречи 12 шагов: беремся за руки, встав в круг, и произносим молитву безмятежности. Если это доставляет вам дискомфорт, вы не обязаны участвовать.

Я в ответ сверкнула ему улыбкой «это не первое мое родео». Я только что отсидела девять носто минут групповой терапии; если кому здесь и нужна была молитва безмятежности, так это мне. Знакомые слова предназначались для помощи зависимым вступить в контакт с силой большей, чем они сами, не обращаясь ни к какой конкретной религиозной традиции: *«Боже, даруй мне безмятежность принимать то, что я не могу изменить, мужество менять то, что я могу изменить, и мудрость понимать разницу между тем и другим»*.

После того как мы произнесли молитву, каждый повернулся к стоящему рядом человеку, чтобы обнять его. Рори и Патрис. Марти и Эд. Карлос и доктор Розен. Я наблюдала за ними, не готовая сделать шаг и прижиматься своим телом к их телам, но, когда Патрис раскрыла объятия, я шагнула вперед и позволила ей обнять меня. Мои руки остались висеть по бокам, как пустые рукава. Доктор Розен стоял перед креслом, и члены группы подходили, чтобы обнять его, один за другим.

Я сделала шаг вперед и обвила руками плечи доктора Розена, торопливо пожав их – слишком ненадолго, чтобы ощутить его запах, сохранить воспоминание о его руках вокруг моего тела или моих руках вокруг его. Так ненадолго, что, казалось, этого и вовсе не случилось. На моем теле не осталось никакого отпечатка. Я обняла его потому, что хотела стать здесь своей, делать то, что делали остальные, и не привлекать внимания. Годы спустя я смотрела, как новые пациенты приходят и отказываются кого-либо обнимать, особенно доктора Розена, и от осознания, что мне и в голову не пришло *не* обнять его, у меня просто отпала челюсть. Такого «нет» нигде в моем теле не было.

После сеанса я села в метро и поехала на север, в юридическую школу, и в голове мелькали новые лица, новый словарь чувств, новый мир, к которому я только что присоединилась. Доктор Розен вел себя так, будто все обо мне знал. Его определяющее утверждение – *вам вообще не нравится заниматься сексом* – меня язвило. Какое нахальство! То, что он дорогой психиатр, не означало, что он в курсе всего. Я когда-то была не чужда удовольствию и, побеспокойся он спросить меня об этом, посмотрела бы ему и каждому члену группы прямо в глаза, не скрещивая ног, и рассказала бы об этом.

* * *

В ночь моего первого «большого О» весенняя погода в Техасе оказалась достаточно приятной, чтобы в спальне в доме номер 6644 по Теккерей-авеню можно было оставить открытым окно.

Мне не спалось. Тогда я включила радио и услышала: «Программа *«Сексуальный разговор»*, вы в эфире». *О-о-о-о!* Эта радиопрограмма *не* для детей. Я зарылась поглубже под одеяло. Сестра Мэри Маргарет говорила: секс позволителен только для состоящих в браке супругов, пытающихся зачать ребенка; занятия сексом при любых других обстоятельствах уведут в ад, прочь от Бога, от родителей и домашних любимцев. Мама подтвердила эту католическую истину однажды за ужином, когда объясняла, что есть два греха, которые обеспечивают билет в одну сторону, к вечному проклятию: «Убийство и добрачный секс».

Когда я приглушала звук радио, нетрудно было представить себя отпавшей от благодати Божией.

Звонившая слушательница призналась, что не способна достичь оргазма со своим партнером. А дальше последовали инструкции доктора Рут Вестхаймер, как познать тело через

мастурбацию. К счастью, доктор Рут объяснила, где находится клитор и за что отвечает. Она словно знала, что разговаривает с четвероклассницей.

Я не могла позволить всем этим мудрым советам пропасть втуне: скользнула рукой между ног и прикоснулась к той нежной жемчужинке, которая иногда раздражалась и болела, если я слишком долго каталась на велосипеде. И начала медленно обводить ее по кругу пальцем, пока не почувствовала, что что-то происходит: внутри нарастала теплая волна, заставившая окаменеть ноги. Фантазия разыгралась: Тэд Мартин из «Все мои дети» целовал мое лицо и говорил, что любит меня больше, чем всех женщин из Пайн-Вэлли. Я потеряла себя чуть сильнее. От дополнительного давления не стало больно. Тело карабкалось к первой чудесной сексуальной разрядке. А потом все содрогнулось от удовольствия, как и обещала доктор Рут. Впервые в жизни я подумала: мое тело совершенно и могущественно.

Там, в блаженном темном уединении детской спальни, я отважилась вступить в свою сексуальность под деликатным руководством доктора Рут. Я чувствовала себя взрослой оттого, что обнаруживала эротические секреты взрослой жизни. Эти прикосновения к себе и теплая волна мощного плотского удовольствия, должно быть, были поступком нехорошим, потому что никто никогда не говорил, что занимается чем-то подобным. Мастурбация – самое неприличное слово, какое я могла вообразить, и я никогда не произносила его вслух.

К четвертому классу я уже пару лет как мариновалась в ненависти к собственному телу. Живот был слишком большим – в четыре года я начала постоянно слышать это от любимой учительницы балета. «Кристи, – одергивала она. – Живот!» Напоминание втянуть его, заставить исчезнуть. Она благоволила к девочкам, чьи трико не выпирали спереди, чьи бедра в верхней части почти не соприкасались. Больше всего на свете я хотела быть балериной, и чтобы меня обожала учительница, и единственным, что тормозило меня на обоих фронтах, оказался размер тела. Я также подозревала, что вздохи матери, когда я мерила новую одежду в примерочных универмагов *Joske's* и *Dillard's*, были доказательством ее сожалений, что я не уродилась тонкокостной. Я знала, это так. Я верила: худенькие, стройные девочки вроде моей сестры и всяких там Дженнифер и Мелис в балетном классе были счастливее благодаря меньшим телам. И уж точно их больше любили. В попытках стать одной из этих миниатюрных девочек я вступала в мелкие поединки с аппетитом – пытаюсь съесть только половину сэндвича за обедом или пропускать десерт, – но он всегда побеждал. Каждый день я входила в кухню с намерением взять стакан воды и три несладких крекера, однако в результате съедала полную горсть чипсов и заглатывала полкувшина виноградного «кул-эйда». Почему я не могла держать себя в узде? Почему мое тело не давало мне быть той, кем мне предназначено?

Я была чувствительным ребенком, ведущим многолетнюю войну со своим телом путем булимии, но в темной комнате с рукой между ног я испытывала ничем не омраченное телесное удовольствие.

На эти несколько минут удалось примириться со своей плотью и уплыть в сон.

* * *

Доктор Розен не знал о набегах маленькой Кристи в страну самоудовлетворения. У маленькой девочки хватало духу включать радио и заниматься исследованиями.

5

– Кристи, почему вы не рассказали группе, что ели вчера? – спросил доктор Розен.

– Нет! – мой голос отрикошетил от стен. Я соскочила с кресла и запрыгала в середине круга, словно пытаясь сбить пламя. – Нет, нет, нет! Пожалуйста, доктор Розен! Не заставляйте меня!

Я умоляла, как ребенок. *Только не это; пожалуйста, только не это.* Я никогда прежде так себя не вела. Но никто и не задавал мне вопросов в лоб о еде.

– Иисусе, женщина! Раз такое дело, тебе просто придется рассказать! – воскликнул Карлос.

И мы ведь даже не о пище сейчас разговаривали, а о медицинских счетах за ручного хорька Рори.

Прошел месяц с начала лечения. За четыре вторичных сеанса мы с группой прошли все ритуалы «знакомства поближе». Они узнали о булимии, обо мне и докторе Рут. Но это? Рассказать шести людям, сидящим передо мной, что я ела накануне? Невозможно.

Мое расстройство больше не годилось на сюжет для фильмов *Lifetime*²⁴: я не ездила от одной автозакусочной к другой, обжираясь и блюя; но питалась как эксцентричная чудачка. Пример: каждое утро съедала ломтик моцареллы, завернутый в капустный лист, и тарелку нарезанного на кусочки приготовленного в микроволновке яблока, которое заливала простоквашей и ела ложкой. «Яблочный Джек» – так я называла это блюдо. Таков был мой завтрак почти три года. Никаких кексов, шоколадных круассанов или батончиков и гранолы. Если не могла съесть свой тайный особый завтрак в одиночестве, в уединении собственной кухни, тогда вообще не завтракала. Этот вариант был безопасным. Он никогда не манил меня к обжорству.

Друзья по юридической школе видели мой странный обед каждый день, потому что его я никак не могла скрыть: банка тунца, консервированного в родниковой воде, на подушке из зеленой капусты, сдобренная классической французской желтой горчицей. Они обоснованно потешались, говоря, какая это отвратительная и лишенная всякого воображения еда. Нормальный человек ни за что не стал бы есть подобный обед больше одного раза; я ела каждый день. В обеденный перерыв другие студенты разгуливали по кампусу с «сабами», фаршированными розово-белыми колбасами и сырами, капающими густым соусом жардиньер, а я сидела в студенческом баре, точно кролик на стадионе, готовясь к следующим занятиям. Они не знали, что до того как началось выздоровление, мои отношения с едой заставляли меня стоять на четвереньках, уткнувшись лицом в унитаз, после большинства трапез. Воспоминания тела о том, как я теряла контроль над аппетитом и буквально оказывалась в нужнике, преследовали меня. Я почти повстречалась с позорной смертью, когда училась в колледже. Можно многое сказать о моем обеде – да, он был безвкусным, депривационным и гарантированно вызывал изжогу – но не давал мне утратить контроль. Могли ли похвастаться тем же все навороченные «сабы»?

На ужин я ела тушеный фарш из индейки, смешанный с брокколи, морковью или цветной капустой и столовой ложкой тертого пармезана. Время от времени я смешивала все овощи и вместо индейки использовала курицу. Как-то раз попробовала с бараниной, но получилось жирно, и в квартире потом воняло дичиной. Вступив в фазу выздоровления, я выбрала небольшой список продуктов, которые казались «безопасными», потому что я никогда ими не обжиралась. Не хватало мужества отклониться от безопасного набора.

Однако обжорство находило другие отдушины. Это была тайна, которая гнила и разлагалась внутри меня. Каждый вечер на «десерт» я съедала по три-четыре красных яблока – часто

²⁴ Американский кабельный телеканал, специализирующийся на фильмах, комедиях и драмах, где в главных ролях представлены исключительно женщины.

больше. Иногда до восьми. Когда я намекнула о безудержном яблочном потреблении куратору Кэди, живущей в Техасе, она заверила, что при условии отсутствия белого сахара можно съесть хоть по бушелю²⁵ яблок по три раза на дню – это не будет иметь значения. Белый сахар – дьявольский яд для многих выздоравливающих: он ведет к смерти от пончиков. Кэди дала разрешение оставить яблоки в списке «безопасных продуктов», сколько бы я ни ела.

Я тратила на них больше денег, чем на кабельное телевидение, бензин и транспорт вместе. Это фрукты были причиной, почему я жила без соседки по квартире: мысль о разоблачении приводила меня в ужас, но при этом я не могла представить, что буду съедать по вечерам только одно.

– Расскажи, – сказала Рори, и голос ее был нежен и мягок.

Я изо всех сил зажмурилась и заговорила быстро, как аукционист на распродаже крупного рогатого скота:

– Сыр, капуста, яблоко, молоко, капуста, тунец, горчица, апельсин, курица, морковь и шпинат, – и умолкла, страшась продолжения. Я не могла себе представить, как буду рассказывать о яблоках, но внезапно хранить эту тайну стало невыносимо. Они скажут, что у меня нет никакого выздоровления, что я не проработала свои шаги, как должно, и что я неудачница. Внутри меня все истерически вопило. Но каким-то образом удалось выпалить: – Потом я съела еще шесть яблок.

Трудно сказать, какой стыд жег меня жарче: за то, что я съела полдюжины яблок после ужина, или за то, что главным злодеем дневника питания был безобидный любимец продуктового отдела.

Я побывала на сотнях 12-шаговых встреч, слушая, как люди отчитывались о странных и отвратительных извращениях, которые они проделывали с вишневым чизкейком, черной лакрицей, запеченным картофелем. И тут я с пакетом яблок на коленях.

Обжорство предыдущим вечером было самым обычным. Я съела одно яблоко сразу после ужина и поклялась, что на сегодня с едой покончено. Но в животе бурлило беспокойство: я голодна? Это соматический сигнал, что нужно больше калорий? Я не знала. Одна знакомая по 12-шаговой программе всегда говорила: если ты алчешь пищи после ужина, следует посидеть в кровати, пока жажда не пройдет. Я попробовала применить этот метод – сидя со скрещенными ногами на одеяле, слушая звуки улицы под окном, – но жажда яблок повела меня из постели в кухню, где я взяла еще одно из ящичка в холодильнике. И съела стремительно, словно это не будет считаться, если успеть проглотить его меньше чем за шестьдесят секунд. Потом стыд – то модное словечко, которое я слышала в группе, – за скоростное съедание яблока в одиночестве в квартире достиг пика, и я съела еще два. Мой живот на ощупь был мягким. Какого хрена я творю?! Я не знала, но съела еще два «ред делишес». А когда, наконец, заползла под одеяло, чтобы лечь спать, острые края кусочков, которые я толком не прожевала, упирались в стенки желудка. Кислота жгла глотку.

Как, вот как я могла называть себя «выздоровливающей» от расстройства пищевого поведения, если я каждый вечер совершала подобное? Как можно любить человека, который жрет, как я? И делает это годами. Как такое вообще можно прекратить?

Доктор Розен спросил, нужна ли помощь. Я медленно кивнула, боясь, что он посоветует есть бургеры из бизоньего мяса и пиццу с артишоками или оприходовать ведерко мороженого каждый вечер, как делает нормальный одинокий человек. Или, того хуже, потребует, чтобы я перестала есть яблоки.

– Звоните Рори каждый вечер и рассказывайте, что ели.

²⁵ Мера объема сыпучих тел в Англии (равна 36,3 л) и в США (равна 35,2 л).

Та встретила мой взгляд с такой доброй улыбкой, что пришлось отвернуться, иначе я бы заплакала – как в ответ на *мазл тов* доктора Розена за мой рейтинг на курсе. Неприкрытая доброта грела солнечное сплетение, как тепловая лампа, и подступали рыдания.

Разоблачение моего ритуала – наконец-то – во всех подробностях было подобно снятию слоя кожи. Определяющей чертой моего питания была секретность. В детском саду я таскала печенье из корзинки с перекусом. В День благодарения на второй год учебы в старших классах я тайком слопала верхний ярус пирога с пеканом. Я воровала еду у всех соседок по общежитию. Даже выздоравливая, я отказалась от искусственной рвоты, но сохранила секретность. И свой вариант обжорства.

– Я не пытаюсь не дать вам есть яблоки, – пояснил доктор Розен. – Ешьте, сколько хотите. Яблоки вас не убивают – вас убивает секретность. И главное, – тут он наклонился ко мне и понизил голос, – если сможете посвятить эту группу в свои отношения с едой, станете ближе к близким отношениям. И начнете с Рори.

Я посмотрела на нее и представила, как рассказываю о каждом кусочке, положенном в рот. Все тело окаменело – в основном от страха, но в этом была и надежда. Шанс дать другому человеку познать меня внутри хаоса моего питания – то, чего я никогда не позволяла прежде.

Меня не слишком удивляло, что проблемы с едой и проблемы с отношениями росли из одного корня – неких моих сломанных составляющих. Удивило то, что это понимал доктор Розен. Пола Ди ничего не видела, а ведь в то время я активно применяла искусственную рвоту.

– Звонки Рори исцелят меня от приступов яблочного обжорства?

– Вам не нужно исцеление. Вам нужен свидетель.

Но я хотела исцеления. Яблоки стоили дорого.

* * *

На втором курсе колледжа я запала на душевного колумбийца с ямочками на щеках, глубокими, как колодцы. Он звонил пьяный после закрытия баров, и мы целовались за корпусом братства Каппа-Каппа-Гамма. Он был тем парнем, который показал мне все грани поцелуев. До него я никак не могла врубиться, что такого в прикосновении моих губ к чужим, но, когда его нежный язык встретился с моим, поняла в один миг. Качественный поцелуй способен достичь каждого органа, каждой клетки. Он может перехватить дыхание и превратить рот в кафедральный собор. Эти поцелуи пробудили меня.

А потом они же и убили. Тот колумбиец был «двойным хуком»: алкоголиком с постоянной девушкой. В тот единственный раз, когда я осталась ночевать в его квартире, он был настолько пьян, что написал в шкаф в полной уверенности, будто это туалет. Где была я, пока он облегчался в нескольких метрах от кровати в два часа ночи? В его кухне запихивала в рот остатки именинного торта. Пару часов спустя, выходя в утреннее «позорное шествие» из его квартиры, я старалась не обращать внимания на амфитеатр коричневых крошек и размазанное пятно глазури на линолеуме.

Я была для него секретным гарниром, пока настоящая подруга, тоненькая, как ива, «хи-омега» (член студенческого «сестринства» с тем же названием) с прямыми светлыми волосами, навещала родителей в Сан-Антонио.

В тот уикенд, когда братство моего любимого колумбийца устраивало весенний праздник в Галвестоне, штат Техас, я пробежала мимо его дома. Как сталкерша, тайком смотрела, как они с «хи-омегой» загружают в «форд-бронко» ящики с пивом. Он похлопал ее по заднице; она откинула с лица волосы.

Безутешная, я сбежала в общежитие и сожрала в крохотной комнатке все калории, какие только нашлись: шоколадных мишек, брецели, попкорн, поп-тартс и остатки хэллоуинских конфет, которые соседка хранила в своем шкафу. Потом пошла по коридорам, роясь в поис-

ках еды в общих мусорных корзинах. Вытащила выброшенную кем-то пищу с пепперони и на тридцать секунд сунула ее в микроволновку. Дожидаясь, пока расплавится сыр, слопала порцию зачерствелого овсяного печенья с изюмом, которое так и лежало в почтовой коробке, присланной чьей-то заботливой мамой из Бомонта.

Я обедалась и вызывала рвоту с седьмого класса; для этого мне не нужно было даже совать палец в рот. Лишь нагнуться над унитазом. Закончив очищение, я пустила воду в душе, чтобы успеть вымыться, до того как соседка вернется с занятий. Казалось, желудок лопнул снизу доверху. Пар клубами висел в крохотной ванной, я обнимала стену, выжидая, не вырвет ли меня еще раз. Перед глазами роились черные мушки. Я опустилась на пол: половина тела под душем, половина снаружи.

Перед тем как все окончательно почернело, я еще подумала: «Вот и оно, вот так я умру, обожравшись до потери сознания и страдая по парню».

* * *

Я набрала номер Рори. К счастью, меня поприветствовал автоответчик, а потом раздался гудок. Моя очередь. Голосом едва слышным, чуть громче шепота, я доложила про всю капусту и пять яблок после ужина. Нажав отбой, отшвырнула телефон. Он загрохотал по паркету.

– Будь все проклято! – завопила я на всю квартиру, колотя кулаками подушки. И в эту минуту думала: «А зачем я вообще это делаю? Это слишком больно!» А потом: «Почему я не попала к доктору Розену раньше?»

Следующим вечером я снова позвонила Рори, и это далось мне чуточку легче. Руки по-прежнему тряслись, и я опять швырнула телефон на пол, когда закончила рассказывать автоответчику, что сегодня ела. Руки ныли фантомной болью, словно я боролась на самом деле, буквально пытаюсь удержать драгоценную тайну. В третий вечер, когда раздался гудок автоответчика, я едва не ляпнула: «То же, что и вчера». Но заставила себя перечислить каждое яблоко и капустный лист.

Четвертый вечер был худшим. Семь яблок. Достаточно для призового яблочного пирога на ярмарке штата. Хотелось скрыть реальность, но я пока была на середине спасательного каната. Если расскажу ей, смогу быстро вскарабкаться по нему на маячащую впереди платформу? В любом случае, висеть на нем не хотелось.

«Ничего не получится, если ты не будешь делать то, что трудно», – сказала я себе. Глубокий вдох.

– Семь гребаных яблок.

6

Доктор Розен был заклинателем змей. Он мог задать конкретный вопрос – и тайны из прошлого выползали наружу. Он уговорил Рори рассказать подробности горестного бегства ее отца из Польши, посоветовав говорить с отцовским старосветским акцентом. С его подачи Полковник Сандерс описал сомнительную терапию, которую проходил у нелегального врача, лечившего его от ПТСР после службы во Вьетнаме. Доктор Розен мог заставить Карлоса разговаривать о сводном брате, который издевался над ним после воскресной школы, а Патрис – пускать слезу по ее родному брату, который повесился в семейном фруктовом саду. Доктор Розен чувал, где скрыты наши стыд и скорбь, и знал, как их извлечь. Он подводил меня к разговору о Гавайях и булимии почти каждый сеанс.

По вторникам утром я проезжала на метро 11 остановок от своего дома до станции «Вашингтон» на красной линии, где примерно в семь десять поднималась из подземки на улицу. На двадцать минут раньше, чем надо. С того дня, когда было принято решение вступить в группу, я перестала спать. Я могла уснуть около десяти вечера, но потом рывком просыпалась в два или три часа ночи, после чего заснуть не удавалось. Так что мне было легко приезжать заранее. Но я не хотела тащить встревоженное, яростно бьющееся сердце в приемную и сидеть там в окружении книг о всяких-разных зависимостях, дожидаясь, пока откроется дверь. Я обходила пешком квартал – мимо магазина *Old Navy*, вниз до офисного здания «Карсон Пири Скотт», а потом на восток, в сторону ветки метро на Уобаш-авеню. Иногда делала два круга, уверяя себя: *«Ты просто женищина, идущая на терапию; ты будешь девяносто минут сидеть и разговаривать. Проще пареной репы»*.

Иногда сеансы были примерно настолько же эмоционально наполненными, как демонстрация соковыжималки в торговом центре. Как-то мы потратили *весь* сеанс на обсуждение анкет для страховки, на которых Карлос хотел заставить доктора Розена поставить свою подпись. В другой раз, когда Патрис явилась в гольфах разного цвета (один темно-синий, другой цвета черного дерева), мы пятнадцать минут спорили, прогресс ли это для скрупулезной привереды Патрис – перепутать гольфы, или она скатывается в неряшливость. Не было никакого четкого вывода, никакого постановления.

Были раскрытия. Была обратная связь. Было «смотреть, видеть и быть видимым». Не было ответов.

А мне были нужны ответы.

Опорные моменты возникали внезапно. Вот только что тихоня Марти, тот мужчина, который начал ходить в группу в один день со мной, плакал, описывая неблагополучную записку *emento mori* – а именно таблетки цианида, которые он держал в тумбочке на случай, если возникнет желание со всем покончить, – а потом группа внезапно переключилась на обсуждение моей истории с острицами, приключившейся у меня в третьем классе. Острицы – часто встречающийся детский паразит – гарантируют мучительные ночи и зуд. Я рассказала, как в пять лет, одна в своей комнате в доме номер 6644 по Теккерей-авеню, по ночам часами скребла попу, точно шелудивая псина, после того как родители давным-давно выключили вечернюю телепрограмму и легли спать.

– Родители знали, что у тебя острицы? – спросила Рори.

– Стоп! – сказала я, вскинув руки. – Мы же говорили о цианиде Марти.

Каким образом группа переключилась на мою пятилетнюю попу?!

– Группа способна раскрывать вещи, от которых вам, возможно, надо освободиться, – сказал доктор Розен.

Он любил подробности, так что я поглубже вздохнула и рассказала, как родители дали мне тюбик деситина от глистов, но зуд не прошел. К утру вонючая белая паста забилась мне под

ногти и размазалась по постельному белью, ночной рубашке, попе и влагалищу, где никаких глистов не было, но за долгие ночные часы расчесывания она проникла и туда. Истерзанное влагалище, мазь, которая воняла навозом, и зудящая попа – это была мука мученическая. Но хуже физического дискомфорта было ужасающее знание, что в моей попе живые черви.

– Деситин – отличное средство от опрелостей, а острицы – это паразиты. Вам надо было пользоваться мебендазолом, – сказал доктор Розен самым докторским тоном, с самым что ни на есть гарвардским видом нахмутив брови. Я мечтала переключиться на чьи-нибудь чужие проблемы, но группа поймала меня в силки вопросов. Типа почему я не сказала родителям, что от деситина никакого толку.

– Я думала, это моя вина, что лекарство не помогает.

Я не должна была чесаться – мне говорили, что нельзя, но я все равно чесалась.

Всю ночь. К тому же какому ребенку захочется вести беседы о червях в попе? Стыд – слово, которого я не знала в пять лет, – запечатывал мои уста.

– Вы уже в пятилетнем возрасте решили справляться со всем в одиночку, – из уст доктора Розена это звучало как большое откровение, но мне таковым не казалось.

Когда у меня были острицы, я стеснялась – говоря по-розеновски, *стыдилась* – быть грязнулей с червяками в попе, с червяками, которые не выползали из поп моего брата или сестры. Они были доказательством, что мое тело ущербно и отвратительно. Доктор Розен принуждал меня рассказывать, каково это – быть маленькой девочкой, в одиночку ведущей битву с анальными паразитами.

Я содрогнулась и зажмурилась. Даже с расстояния в два десятка лет я чувствовала запах деситина и ощущала адский зуд между ягодицами. Я никогда не обсуждала остриц даже с одним человеком, что уж говорить о шестерых!

Не открывая глаз, я без дальнейшего понукания сказала им:

– Мне было стыдно.

– Стыд – это прикрытие. Что под ним? – уточнил доктор Розен.

Я опустила голову в ладони и принялась мысленно обыскивать тело в поисках ответа. Я приподнимала уголки покрывала стыда, чтобы увидеть, что там затаилось под ним. Я видела свое лицо, лицо пятилетней девочки в детской далеко за полночь, искаженное ужасом, пока я чесалась и чесалась. Ужас от того, что я не знала, как попросить о помощи. Оттого что в итоге пришлось идти к педиатру, высокой женщине средних лет с толстыми пальцами и гулким голосом, и рассказывать о своей попе. Оттого что во время чтения в детском саду, когда мы рассаживались на полу, мне приходилось втискивать подошву кроссовки в щель между ягодицами, чтобы облегчить зуд, и сделать это так, чтобы никто не заметил. Оттого что я была грязной и жила в теле, наполненном пищей, которую не могла перестать поглощать, и с червями, от которых чесалась попа. А больше всего было ужаса оттого, что мое тело – грязная проблема, которой не было ни у кого.

– Ужас, – ответила я.

Доктор Розен одобрительно кивнул.

– Вы подбираетесь ближе.

– К чему?

– К себе и своим чувствам, – он обвел руками комнату. – И разумеется, к нам.

– И как эта прогулка по аллее памяти мне поможет?

– Посмотрите на Патрис и спросите ее, может ли она отождествиться с вами.

Патрис вздрогнула и замотала головой: мол, *не смотрите на меня*. Спустя один удар сердца она пустилась в рассказ о том, как ей неудачно поставили медицинскую клизму. Потом Рори упомянула о своем отвращении к анальному сексу, а Марти дополнил все это историей о

непроходимом запоре, которым страдал в детстве. К концу сеанса каждый поделился «попной» историей.

Через пару дней после этого я позвонила родителям. Мы с папой обсудили залипающие тормоза в машине, перспективы «эгги» в чемпионате Хлопкового кубка и холодную не по сезону погоду в Чикаго. Потом я «дала Розена»: ни с того ни с сего спросила его о моей детской истории с острицами. Что он об этом помнит? (немногое) Сколько раз они у меня были? (несколько) А у брата и сестры они были? (нет) На заднем плане я услышала голос матери: «Почему Кристи спрашивает об острицах?» – и покрепче сжала телефонную трубку. Признание в том, что я вступила в группу терапии, копилось во рту, но растаяло, когда я представила *ее* ужас при осознании, что я обсуждала «попных червячков» с целой группой людей. К тому же, если бы я рассказала о докторе Розене и группе, пришлось бы признать, что я не сумела *ни* заставить себя быть счастливой силой воли, *ни* не рассказывать людям о своих делах.

– Почему ты спрашиваешь? – спросил папа.

– Просто любопытно.

* * *

Однажды утром во вторник никто не сказал ни слова за весь 90-минутный сеанс. Все мы буквально сидели и молчали, слушали рокот метро внизу, визг автомобильных тормозов, грохот захлопнутой кем-то в коридоре двери. Мы не ловили взгляды друг друга и не хихикали. В первую половину сеанса я общипывала катышки со свитера, качала ногой и теребила кутикулу. Каждые тридцать секунд смотрела на часы. Тишина вызывала у меня чувство обнаженности, беспокойства и непродуктивности. *Я могла бы сейчас читать домашнее задание по конституционному праву.* Постепенно я утихомирилась и стала смотреть на озеро Мичиган в окне. Безмолвное пространство между нами казалось по ощущениям таким же просторным, как океан или космос. Свет, струившийся в комнату, представлялся божественным; близость между нами – священной. Ровно в девять доктор Розен сложил перед грудью ладони и произнес свое обычное:

– На этом сегодня остановимся.

Идя по коридору вместе со своими одnogруппниками, я несла в теле тихое спокойствие, хотя, когда мы вышли на улицу, не утерпела и подергала Карлоса за руку:

– Что это за хрень сейчас была?

Что бы это ни была за хрень, до конца того дня во мне присутствовали тихое спокойствие и чувство благоговения оттого, что удалось просидеть с шестью другими людьми в полной тишине девяносто минут.

* * *

Доктор Розен давал много предписаний, хотя они редко касались лекарств. Он не был поклонником таблеток. Карлос получил предписание принести в группу гитару и сыграть для нас песню: предположительно для уменьшения страха, связанного с расширением его практики. Патрис получила предписание натереть клубникой живот мужа, слизать ее, а потом отчитаться о результатах группе. А поскольку доктор Розен думал, что лекарство, которое терапевт назначил Рори от тревожности, подавляет ее сексуальные чувства, предписал ей буквально следующее: «Вкладывать по одной таблетке во все промежутки между пальцами ног, когда муж занимается с вами оральным сексом».

Я следовала своему – звонить Рори каждый вечер и рассказывать о том, что съела за день, – уже пару недель. Я больше не плакала, повесив трубку, и потребление яблок свелось к скромным пяти штукам за вечер. Настало время для нового предписания.

– Можно мне что-нибудь от бессонницы? У меня мысли путаются.

Шел второй курс юридической школы, и я, когда не сидела на сеансе, бегала по собеседованиям в самых крупных юридических фирмах Чикаго на предмет летней стажировки, которая, как я надеялась, приведет к предложению постоянного трудоустройства. В результате многонедельных нарушений сна переутомление давило на череп, и трудно было не клевать носом на занятиях и собеседованиях. В фирме «Винстон и Строн» я щипала себя за внутреннюю поверхность предплечья, чтобы не уснуть, пока седовласый управляющий партнер описывал случай выступления в Верховном суде.

Я уже создалась, что мое питание – как раскаленный котел со всякой всячиной; теперь призналась, что не могу спать. Я была новорожденным младенцем, застрявшим в двадцатисемилетнем теле.

Доктор Розен выпрямился и потер ладошки друг о друга, прямо как безумный ученый.

– Позвоните сегодня перед сном Марти и попросите у него аффирмацию.

– До или после того, как я позвоню Рори и расскажу, что я ела?

– Не имеет значения.

– Я сегодня иду в оперу, так что звони до семи, – предупредил Марти.

Тем вечером в 18:50 я стояла на железнодорожной платформе в Белмонте, изнуренная долгим днем занятий и пятичасовым собеседованием в фирме «Джонс и Дэй», где опять щипала себя за руку, чтобы не уснуть посреди разговора со старшими партнерами. Пока я набирала номер Марти, ветер швырял мне в лицо мои же волосы.

– Я звоню за аффирмацией, – сказала я в трубку, глядя, как фонари поезда, направлявшегося на север, подплывали к платформе.

– У тебя отличные ножки, милашка.

Марти не был гнусным, как Полковник Сандерс. В группе он рыдал каждый раз, когда раскрывал рот, и, казалось, был искренне ошеломлен, когда мы просили подробнее рассказать, что его так печалит. Он всегда говорил: «Я просто не могу поверить, что кто-то меня слушает».

Я рассмеялась, утопив смех в реве подъезжавшего поезда, и мысленно помолилась о том, чтобы его слова сработали как сверхмощное снотворное.

На следующее утро я помедлила, прежде чем открыть глаза, боясь увидеть, что на часах всего час ночи. Услышала утренние звуки. Хлопок соседской двери. Птичью трель. Рык завоющей машины. Открыла глаза и посмотрела на будильник: 05:15. Я проспала беспрецедентные семь часов. И вскинула в воздух кулак, как чемпионка.

Может быть, доктор Розен – гений.

7

Пока на Чикаго наваливалась зима, я тренировалась приносить в группу обыденные проблемы. Иголочки стыда скатывались по позвоночнику, когда я просила группу поразмыслить над вопросами, с которыми мне следовало бы уметь справляться самой, как разумной интеллигентной двадцатисемилетней женщине. Например, следует ли мне потратить часть денег от финансовой помощи на поездку на горнолыжный курорт, организованную Кэт, с которой мы жили в одной комнате в общежитии колледжа. Группа единодушно проголосовала за поездку. Доктор Розен принялся добиваться от меня веской причины *не* ехать.

– Едут сплошь парочки. Я буду одиннадцатым колесом в телеге.

– Будьте открыты, – отвечивал на это доктор Розен.

Не могу поверить! Ты же никогда никуда не ездил! – написала мне Кэт, когда я приняла приглашение.

Утром во вторник между Рождеством и Новым годом я набрала номер сотового Рори из хижин в Крестед-Бьют. Это был первый раз, когда я пропустила сеанс.

– Привет, золотко, погоди, сейчас переключу тебя на громкую связь, – я услышала шорох, а потом чуть приглушенный голос Рори: – Эй, все, поздоровайтесь с Кристи!

Хоровое «привет» на заднем плане.

– Чем занимаетесь? – спросила я, представляя их на обычных местах, а за окном – серое чикагское небо.

– Без тебя скучно, – пожаловался Карлос.

– Прямо все-все скучаете?

Неужели они не рады возможности отдохнуть от меня и моих жалостных историй о слишком большом количестве яблок и слишком большом количестве глистов?

– Все кивают, – сообщила Рори. – Даже доктор Розен.

Сердце взлетело выше Скалистых гор и понеслось через равнины к комнатке 4 на 4 метра, где сидели все они, где было сейчас пустое кресло, на котором обычно помещалось мое тело и где я произносила приветствие.

В детстве мы с братом и сестрой по очереди ездили гостить к нашей бабушке по отцу, которая жила в большом желтом фермерском доме в Форрестоне, в штате Техас. Я обожала эти недели – можно было шастать по ее участку, выискивая сокровища у ручья и перебирая кости на коровьем кладбище. Однажды я в середине недели позвонила домой. Уже не помню зачем. Наверное, проверяла, получится ли звонить по межгороду. Телефон в доме номер 6644 по Теккерей-авеню звонил и звонил. *Может, они у общественного бассейна или на заднем дворе.* Вечером я предприняла еще одну попытку. По-прежнему нет ответа. Где они могут быть?

Когда в субботу на той же неделе позвонил папа, чтобы сказать, когда он меня заберет, я выхватила трубку у бабушки.

– Где вы все были? Я пыталась вам дозвониться два дня назад!

– На пару дней ездили в Оклахому.

Они ездили в отпуск без меня?! Все передо мной расплылось от подступивших слез. Я никогда не была в Оклахоме, и вдруг мне отчаянно захотелось туда поехать – увидеть то, что видели они. Всякие крутые штуки вроде настоящих типи, в которых хозяйничали женщины с длинными черными косами, и работающие нефтяные вышки, торчащие вдоль прямого пыльного шоссе. Как могли они уехать путешествовать – пересечь границу штата! – без меня? Это явно указывало, что я не являюсь неотъемлемой частью собственной семьи, и когда до меня это дошло, захотелось сжаться в комок и заскулить.

На другом конце линии папа объяснял, что они ездили забрать старинный шкаф-гардероб у друга нашей семьи в Понка-сити.

– У Говарда Джонсона сломалась машина, а твоя мать до сих пор злится на меня за то, что я заставил ее обедать в «Кентукки Фрайд Чикен», где все мы наблюдали, как пес жрет крысу на парковке.

Он рассказывал так, словно поездка была сплошной катастрофой, но единственное, что я слышала, – все эти волшебные, чудесные события случились в той неведомой земле под названием Оклахома. И еще слышала вот что: *«Ты не имеешь значения. Мы ездим развлекаться без тебя, потому что ты не имеешь значения».*

Много лет мать передергивало, когда кто-нибудь вспоминал ту поездку в Оклахому. После нее не осталось ни одной фотографии, и никто из членов семьи не сохранил счастливых воспоминаний об уикенде в Оклахоме. Тем не менее я тоже содрогалась при упоминании этого штата к северу от Техаса, потому что он был доказательством: меня можно бросить.

* * *

Еще зима принесла с собой первое свидание, с тех пор как я вступила в группу. Карлос свел меня со своим другом Сэмом, поверенным, только что разбежавшимся с девушкой. Во время первого телефонного разговора мы легко установили контакт. Он признался, что ни разу не видел ни одной серии «Остаться в живых», а я призналась, что бросила читать «Гарри Поттера» после первой главы. Когда мы попрощались, потому что вот-вот должно было начаться заседание моего книжного клуба, он явно был впечатлен тем, что занятая студентка юридической школы еще и находит время, чтобы читать для удовольствия.

У меня были все причины полагать, что у нас с Сэмом что-то выйдет. Мы оба обожали Карлоса и испытывали смешанные чувства к профессии юриста. Я видела из окна, как он ровно в восемь припарковал машину перед моим домом. У меня в животе все бурлило от возбуждения. Я метнулась в ванную и нанесла еще один слой помады, которую Карлос выбрал для меня в *Barneys*.

Открывая дверь, я думала, что мы обнимемся, но Сэм сунул мне руку лопатой и улыбнулся стерильной улыбкой, которая так и не добралась до глаз. Затем быстро развернулся и стал спускаться по лестнице, поспешно, как водитель, который припарковался вторым рядом у пожарного гидранта. Однако я не отчаивалась. У нас впереди был весь вечер, полный возможностей и (возможно, попозже) физического контакта.

Сэм не заказал столик в ресторане и не внес никаких предложений на тему, куда пойти. Неловкое молчание висело меж нами, пока я не предложила кубинский ресторан в Ирвинг-Парке неподалеку от квартиры. Пока мы ехали, единственным звуком в машине был мой голос, дававший ему указания. Может, я придумала ту «химию», которая почудилась мне в телефонном разговоре?

В «Кафе 28» Сэм не стал снимать с шеи шерстяной шарф от *Burberry* и был резок с официантами. К тому времени как принесли еду, было ясно: между нами ничему не бывать. От разочарования хотелось впечатать кулак в дурацкую картошку и швырнуть кусок лососины через весь зал. И вот ради этого я купила помаду и новый свитер, ходила в группу, звонила Рори, звонила Марти и «давала доступ группе», как советовал доктор Розен?! И где результаты? Почему Сэм такой отстраненный и незаинтересованный?

Мы ехали домой в молчании тотальном, как ядерная война. Он не вышел проводить меня до двери; не заглушил мотор. Может, и протягивал руку для заключительного рукопожатия, не знаю – я повернулась спиной, как только поблагодарила за ужин. И когда вошла в квартиру, на часах было без десяти девять.

Мое свидание не продлилось и часа.

Я набрала номер доктора Розена: он был первым в списке быстрого набора – этаким отличником. Изложила вывод автоответчику: «Терапия не работает. Пожалуйста, позвоните мне завтра. Я тону». И принялась нарезать круги по квартире, гадая, почему Сэм не дал мне ни шанса. Я поделилась своим унижением с Рори, когда позвонила с обычным отчетом по питанию, и с Марти, когда позвонила за аффирмацией.

– Ты не виновата в том, что свидание получилось отстойным, – клялись они. – Просто некоторые свидания получаются отстойными.

На следующий день я сделала то, чего никогда не делала за все время учебы: пропустила занятия ради того, чтобы лежать калачиком под одеялом и пялиться в пустоту.

Не смотрела телевизор, не читала книгу, не листала конспекты. Около полудня ближайшая подруга по юридической школе, Клэр, оставила голосовое сообщение: «Слушай, тут у нас никто и не помнит, когда ты в последний раз *прогуливала* занятия. Позвони мне».

Привычная тупиковость, которую я ощущала большую часть жизни, отсекала остальные мысли и ощущения. Казалось, она была рядом всегда, пресекая дыхание, кровообращение, желание. Тупик, тупик, тупик. Терапии положено было что-то изменить, раскрыть меня. Где-то в груди назревали рыдания, точно ураган, набирающий силу у побережья Флориды. Мне казалось, в этой тупиковости я виновата сама. Как это вообще можно изменить? Я тонула в ненависти к себе, считая бороздки на потолке из звукоизолирующих плит. Какой смысл в этих групповых вторичных сеансах, если я так и буду оставаться в том же тупике?

В 15:15 на телефоне высветился номер доктора Розена.

– Вы можете мне помочь? – спросила я вместо приветствия.

– Надеюсь.

– Почему свидание было такой катастрофой?

– А кто говорит, что это катастрофа?

– Оно продолжалось пятьдесят минут. Я сегодня даже на занятия не поехала... лежу в постели.

– Поздравляю.

– С чем?

– Когда вы в последний раз давали столько воли своим чувствам?

– Э-э...

Он знал, что ответ – никогда.

– Вы заслуживаете того, чтобы дать себе пространство для чувств.

– Но *делать*-то мне что?

– А что вы делали до того, как я позвонил?

– Лежала и пялилась в потолок.

– Вот это и делайте. И завтра приходите в группу.

– И все?

Он рассмеялся.

– *Мамэле*²⁶, это очень много!

Мне казалось, этого недостаточно. Но тело расслабилось, когда я положила трубку. В голову потекли рациональные мысли: Сэм – всего лишь один из тысяч мужчин в Чикаго. Во мне нет ничего дурного. Просто одно неудачное свидание. Подумаешь! Это не повод впасть в кататонию.

В группе доктор Розен еще раз подтвердил: все, что я должна делать, – это приходить на сеансы. По его мнению, девяносто минут, которые я просиживала в кругу с ним и товари-

²⁶ На идише «мамуленька», «мамочка»; этим словом также называют хорошо ведущую себя маленькую девочку.

щами по группе, были альфой и омегой эмоциональной трансформации. По его мнению, они обладали достаточной мощностью, чтобы сделать насечки на моем все еще гладком сердце. По его мнению, этого было достаточно.

Но не для меня. Я хотела новое предписание. Что-то дерзкое и трудное. Что-то, что потребует всего моего мужества. Доктор Розен не принимал мой дистресс всерьез. Он не понимал, как этот дистресс ощущался в моем теле. Я была наглухо закрашенным окном, крышкой на консервной банке, которая не поддавалась, сколько ни колоти ею об стол.

Я должна была ему показать.

* * *

Эндрю Барли позвонил мне ни с того ни с сего. Я запомнила его по одной праздничной вечеринке как тихого парня с лазурно-синими глазами, который смеялся моим шуткам. Я согласилась встретиться с ним за бранчем. Сидя над яичницей и картошкой, я разглядывала его загрубелые руки и стрижку – почти маллет²⁷. Нравился ли он мне? Интуитивный ответ – «нет». У нас не было ничего общего, ноль влечения, и я не могла отделаться от мыслей о прическе в стиле восьмидесятых, которую он, кажется, носил без тени самоиронии. Но я затолкала это «нет» под ребра списком позитивных качеств: добрый, платежеспособный, трезвый и заинтересованный во мне. Ну и что, если он не любит читать? Ну и что, если его не интересуют никакие текущие события, не имеющие отношения к перспективам «медведей» в Суперкубке? Ну и что, если мое тело содрогается от сопротивления, когда он берет меня за руку по пути к машине?

На второе свидание Эндрю предложил ужин у себя дома. Пятничная транспортная пробка еле-еле ползла по Вестерн-стрит на пути к его новому кондо в Роджерс-парке. Расстроенная тем, что мы простояли подряд два зеленых светофора, не сдвинувшись ни на сантиметр, я стукнула кулаками по рулю и заорала во всю мочь легких. Я вопила так долго и так громко, что следующие два дня ходила охрипшая. Мне не хотелось ехать домой к Эндрю, но я заставила себя сказать «да», потому что «нет» означало бы сознательное желание одиночества. «*Эндрю – славный парень!*» – кричала я себе. – *Дай ему шанс!*» Как я могу утверждать, что одинока до отчаяния, а потом крутить носом, отказываясь от свидания с хорошим непьющим мужчиной?

Проведя для меня экскурсию по своей модной, со вкусом оформленной квартире с одной спальней, Эндрю сунул запекаться на гриле две куриные грудки и выложил пакет готового салата в керамическую миску, полив его соусом. Я улыбнулась честным стараниям, несмотря на то что у меня в животе все горело от слова «нет», которое жаждало подняться и вылететь из рта.

Мы сидели на диване, поставив тарелки на колени и вежливо болтая о его работе и моей семье в Техасе. Когда я смотрела ему в лицо, дурацкий маллет был незаметен, но разговор шел так, словно кость терлась о кость: никакой естественной текучести. Обоим было далеко как до остроумия, так и до очаровательности.

Это не то, чего я хотела: пересушенные куриные грудки с «достаточно хорошим» мужчиной, с которым я едва могла разговаривать.

Когда мы закончили есть, я запаниковала. Тем для светской беседы больше не было, поэтому я рванулась к нему и прижалась губами к его рту, надеясь, что поцелуй сможет заронить какую-то искру – что-то такое, что сумеет заставить меня захотеть быть с ним.

²⁷ Модная в 1970—1980-х гг. стрижка маллет – «спереди коротко, сзади длинно» – прочно ассоциируется с реднеками – американской «деревенщиной».

Глаза Эндрю расширились сперва от неожиданности, потом от возбуждения. Он ответил на поцелуй. Я превратилась в механическую куклу без тепла, без сердца. Я хотела вернуться домой и ненавидела себя за это. А еще себя за то, что отвергала Эндрю по всяким дурацким причинам – вот вроде его стрижки. И неудивительно, что я вечно одна: я же стерва. «Нет» пульсировало в моем нутре, но я упрямо заталкивала его вглубь. Вот передо мной сидит отличный парень, и если он не нравится мне, если я не западаю на него, виновата в этом только я сама.

– У тебя есть презерватив? – спросила я. Может, удастся вырваться из этой тупиковости сексом. И интим заставит меня ощутить влечение.

Я до сих пор была в свитере, лифчике, трусах, джинсах, носках и ботинках. Красная фланелевая рубашка Эндрю была туго заправлена под джинсы с ремнем. Ботинки до сих пор зашнурованы. Переходить от благонаправного девятидесятосекундного поцелуя взасос к соитию было примерно так же обоснованно и логично, как пойти и ограбить местный *7-Eleven*. Но ни у него, ни у меня не было ни навыков, ни желания притормозить и разобраться, что, черт возьми, на самом деле происходит.

Не было музыки. Не было романтического освещения. Никаких приятных ароматов, если не считать периодически наплывавших волн запаха пережаренной курицы. Эндрю стащил с себя джинсы и натянул презерватив. Я спустила джинсы с бедер.

Он двигался на мне. Я прикусила нижнюю губу и уставилась в потолок. Ядовитые мысли мелькали в голове: *«Это все, что ты получишь. Ты никогда ничего не почувствуешь. Ты сломанная. С неправильной насечкой»*. Когда я моргнула, из глаз покатались слезы. Я удержала рыдание и стала составлять историю, которую буду рассказывать группе: *«Смотрите, что я сделала. Теперь до вас дошло? Это серьезно!»*

Эндрю никак не мог войти. Снова тупиковость. Я приподняла бедра, чтобы обеспечить ему более удобный угол проникновения и ускорить процесс. Три-четыре фрикции – и все закончилось. Я не ощущала ничего, кроме монотонной ненависти к себе. Даже ритм дыхания не изменился.

Как раз когда он кончал, у него звякнул телефон. Какое-то ЧП на работе. Эндрю торопливо натянул штаны.

– Извини, мне надо ехать.

А я даже не узнала, где он работает.

Вернувшись в машину, я набрала номер доктора Розена. Рассказала его автоответчику о куриных грудках, о «нет» в моем нутре, о сексе, который я инициировала. «Я пыталась вам рассказать. Пожалуйста, услышьте меня».

Четыре дня спустя в группе: мой взгляд сцепился со взглядом доктора Розена. Руки сжимались в кулаки от ярости. Со сколькими еще мужчинами я должна трахнуться, чтобы он начал воспринимать меня всерьез? Что нужно сделать, чтобы стереть с его лица эту усмешку?

– Вы думаете, я вас не вижу, – сказал доктор Розен.

– Вы понимаете, какую дикую боль я испытываю?

– Кристи, я понимаю, как вам больно.

– Вы можете мне помочь?

– Да.

– Что мне нужно делать?

– Вы уже это делаете.

– Этого недостаточно!

– Нет, достаточно.

– Это больно! – я врезала кулаками по подлокотникам кресла. – Мне больно.

– Я знаю.

– Я больше не хочу так трахаться никогда!

– Вы и не должны больше так трахаться никогда.

– Этого недостаточно!

– Кристи, этого достаточно.

Каким образом этого могло быть достаточно? Вечер с Эндрю был катастрофой на всех возможных уровнях, и я была виновата. Однако у меня энергичный терапевт и пять членов группы поддержки, предположительно направляющие мою жизнь к лучшему.

– Какой смысл во всем этом? Если в результате получается только новый дерьмовый секс и отсутствие контакта!

– Вы еще не пришли к результату, – возразил доктор Розен. – Но вы на пути к нему.

Я резко махнула рукой, обводя комнату.

– Как такое может быть, что все они готовы, а я нет? – У каждого из членов группы был под боком партнер, рядом с которым он засыпал каждую ночь. – И сколько времени это потребует?

Мне представилось, как я старею и дряхлею, все дожидаясь, пока терапия каким-то чудом преобразит жизнь.

– Я не знаю, сколько времени это потребует. Вы умеете радоваться тем шагам, которые уже сделали?

Нет, я не умела. Я не хотела радоваться, пока не пойму, сколько еще их осталось, этих шагов. Осознание, что к психическому здоровью, ради которого я трудилась, нет коротких путей, сокрушало мой дух. Я посвятила группу в свое одиночество и тайные ритуалы питания. Это были мои излюбленные и давние адаптивные механизмы. Теперь на каждое взаимодействие, включая все до единого свидания, я должна отваживаться без основной защиты. В теории звучало здраво, но этим утром в группе ощущалось как жгучее, непоправимое поражение. Больше не будет утешения в яблочном обжорстве, не будет бегства в герметично запечатанную жизнь. Будет яркий прожектор взглядов доктора Розена и сотоварищей по группе, освещающий все недостатки, но никакой тайной пещеры, чтобы затолкать туда мои чувства. И поэтому я вывалила их прямо там, сидя в кресле: я рыдала о том, как мне одиноко и страшно, что моя жизнь никогда по-настоящему не изменится, или, того хуже, для настоящих перемен потребуется больше, чем я смогу дать. И если бы этот сеанс не закончился в девять, уверена: я могла бы проплакать до самого обеда.

8

– Тебе следовало рассказать группе о Дымке, – заметил Карлос.

В лифте, пока мы поднимались на этаж доктора Розена, я поведала Карлосу о Дымке – получившем прозвище за любовь к сигаретам и потому что был так горяч, аж дымился, – моем последнем увлечении из юридической школы. У него была постоянная девушка, но ее никогда не было рядом. Ее звали Уинтер, и она работала официанткой. Я всем сердцем надеялась, что она уродка, грязнуля или злюка, но, когда, наконец, увидела ее на работе, не смогла не признать, что она оказалась гибкой, как ива, красоткой со свежим личиком, искренне улыбавшейся посетителям.

У нас с Дымком завязалась дружба, потому что мы часами корпели в компьютерной лаборатории, распечатывая между занятиями конспекты. При первой встрече он попросил меня приглядеть за его учебниками, пока он выйдет покурить. Разумеется, я согласилась. Я обожала его едва заметную щетину, пахнувший табачным дымом свитер, стеснительный взгляд, который отводил в сторону, когда смеялся.

– Дымок? – доктор Розен склонил голову набок.

– Один парень из юридической школы. У него есть подруга. Он дымит, как каминная труба. Сильно пьет. Я в него влюбляюсь.

– Он не свободен, – заметила Патрис.

Доктор Розен помолчал, прикрыл рот рукой, поерзал, потом опустил руки на подлокотники. Наконец, велел:

– Когда в следующий раз будете с ним, расскажите ему правду о себе.

– А именно?

– Что вы «динамщица».

Я скосила глаза на Карлоса. Он это что, серьезно? Все в кругу замотали головами, мол, *нет, доктор Розен, она никак не может этого сказать*. Рори вспыхнула румянцем, отчетливо видным даже из-под ладоней, которыми закрыла лицо.

– Вы хотите, чтобы я сказала мужчине, который меня заводит, что я «динамщица»? И что потом?

А сам-то Дымок не «динамщик» разве? Это он флиртовал со мной, невзирая на подругу с щеками-яблочками. Если бы до этого сеанса кто-то спросил меня, знает ли доктор Розен, мой немолодой психиатр, который носит коричневые ботинки на резиновом ходу и ничего не смыслит в поп-культуре («Кто такой Боно?» – спросил он однажды), слово «динамщица», я поклялась бы, что нет. А теперь он говорит, что по программе терапевтического лечения я должна припечатать себя этим словом в разговоре с парнем, с которым хочу в постель!

– Вот и выясним.

Два дня спустя я сидела в желтом такси, мчавшемся на запад по Лейк-стрит, с Дымком и его очаровательным подпевалой Бартом, жокеем с нашего курса. Воздух был душным, но вечер – ясным. Месяц усмехался мне с небес. Мы опустили все стекла, спасаясь от вони, которую источал ароматизатор-елочка, болтавшийся на зеркале заднего вида. Я высунулась из окна и повернула голову к чернильному небу и его жизнерадостному светилу. Мне в рот попала смешинка – я на пару секунд задержала ее в губах, а потом выпустила. Под пульсирующую ритмичную музыку села прямо, расправила плечи и повернулась к Дымку, который сидел между мной и Бартом.

– Я – абсолютная «динамщица».

Слово «абсолютная» я добавила от себя, как персональное украшение, доказывая себе, что не являюсь безмозглой марионеткой Розена.

Дымок перестал гонять во рту жвачку, которой зажевывал сигарету, и застыл. Потом на горизонте его красивого лица вошла и расплылась улыбка. Он продолжал смотреть прямо вперед. Мою кожу кололо иголочками, пока я наблюдала, как он переваривал мои слова. Хотелось обвить его ногами и попрыгать на нем и его идеально обтрепанных джинсах.

Барт вытянул шею и глянул на меня из-за груди Дымка.

– Что ты сказала?

– Что слышал, – отрезала я, отворачиваясь к окну.

– Не, не слышал, – возразил Барт.

– Тогда почему тебе так хочется, чтобы я повторила?

– Потому что...

– Потому что ты и в первый раз меня слышал!

– Проклятье! Да ты чокнутая, девчонка! – смешок Барта подхватил ветер и растворил в ночи – вместе с моей гордостью.

Дымок продолжал улыбаться и барабанить пальцами по своим длинным, перевитым мышцами бедрам. Мучительный стыд постепенно объял меня, когда я догадалась, что Дымок не собирался меня помогать. Он бы потусил со мной и Бартом еще часок, а потом поехал домой, лег в постель и стал ждать, пока Уинтер закончит смену, чтобы трахаться с ней до рассвета. Я стала с преувеличенным интересом разглядывать здания, мимо которых мы проезжали по Милуоки-авеню. Мебельные магазины, забегаловки с тако, «Книги для слабовидящих». Люди, стоящие в очереди, чтобы послушать какую-то группу в клубе «Сабтеррениан». Никто из них не знал, что я сейчас сказала. Но под унижением чувствовался зародыш чего-то другого – гордости: я сделала то, что велел доктор Розен. Произнести эти слова было все равно что прыгнуть с вышки; для этого потребовалось все мужество, какое я смогла собрать. Теперь, пару минут спустя, до меня дошло: эти слова еще теснее пришили меня к доктору Розену и группе. И через четыре дня я буду сидеть в кругу и рассказывать об этом вечере, когда я одержала победу над своими нервами – и здравым смыслом, – чтобы последовать совету врача.

Когда мы добрались до бара «Бактаун», оказалось, что на уличной веранде мест нет, так что Дымок остался на тротуаре, чтобы выкурить сигарету. Бугенвиллея обвивала забор, источая легкий сладковатый аромат.

– Хочешь? – спросил он, протягивая мне пачку «мальборо».

О, как я хотела сказать «да», чтобы у нас был этот идеальный совместный момент, когда мы бы затягивались и дымили, как красивые люди в кино, люди без проблем с психическим здоровьем, без сексуальных заморочек, без расстройств пищевого поведения, без глистов! Если бы я сказала «да», он придвинулся бы ближе и поднес зажигалку к моей сигарете. Его запах – дым, жвачка, все, что собралось за день, – стал бы частью воспоминания.

Но я не могла заставить себя взять сигарету. Недавно доктор Розен объяснял Рори, упомянувшей, как сильно скучает по куреву, что в процессе вдыхаешь токсичную ненависть к себе.

– Нет, спасибо, – ответила я.

В следующий вторник я приехала на группу, когда солнце только-только показалось над верхушками деревьев. Я не спала с четырех утра – несмотря на то что накануне, как обычно, звонила Марти за аффирмацией, – и решила просто поехать в центр, посидеть в кофейне.

Я нянчила в руках чашку с чаем и смотрела из окна на Мэдисон-стрит. Ярko-желтый рюкзак – точь-в-точь как те, что таскают курьеры, разносящие еду, – зацепил мой взгляд. Мужчина с ним шел чуточку медленнее остальных, словно вышел на прогулку по английскому парку. Роста он был чуть ниже среднего – почти как я – и губы слегка шевелились, словно разговаривал с самим собой. Я подумала, что это турист, и занялась вылавливанием из чашки чайного пакетика. И думала так до тех пор, пока он почти не скрылся из виду. Только тогда до меня дошло: доктор Розен!

Это определенно был он – непокорные волосы, слегка ссутуленные плечи. Как так вышло, что он такой щуплый?! В группе, когда я умоляла его о предписаниях, решениях и ответах, он казался огромным – как великан.

Я наблюдала за ним, пока доктор не скрылся из виду, пройдя дальше по Мэдисон, никуда не торопясь, бормоча себе под нос.

Почему он шел так медленно? Он же направлялся на работу – на *мой* групповой сеанс – а не в паломничество в Меджугорье. И почему бормотал? И где он взял эту страсть господню, свой рюкзак?

К тому времени как я допила и собралась идти в группу, передо мной всплыл еще более трудный вопрос: неужели мой терапевт – законченный фрик? Почему я выполнила его рекомендацию – сказать Дымку то, что сказала? Почему я дала этому странному маленькому человечку столько власти над собой?

Идя по коридору к групповой комнате, я взмолилась: «Пожалуйста, убей Будду».

9

Всем остальным в группе были даны специальные сексуальные задания. Полковник Сандерс получил предписание гладить жену по спине, не требуя секса. Патрис получила задание, касавшееся секс-игрушек. Карлосу посоветовали раздеваться догола и обнимать жениха Брюса по десять минут каждый вечер. Марти полагалось предложить подруге Джанин, которая жила с ним, вместе принять душ. Доктор Розен повторил предписание Рори – просить мужа делать ей куннилингус, зажимая в это время между пальцами ног таблетки успокоительного.

Я слушала и горела завистью.

– Я тоже хочу сексуальное задание, но у меня нет партнера.

Доктор Розен потер ладошки друг о друга, словно не одну неделю дожидался, пока я об этом попрошу.

– Я рекомендую вам мастурбацию, о начале и конце которой вы сообщите Патрис.

Я потеряла виски и зажмурилась.

– Сделаю, простите, что?!

– Позвоните Патрис, – доктор Розен сделал вид, что набирает номер, а потом поднес к уху ладонь, как воображаемую трубку. – Скажете: «Привет, Патрис. Я сейчас собираюсь мастурбировать. Я звоню, потому что хочу, чтобы ты поддержала мою сексуальность. Это хорошо сработало с моим питанием, и теперь хотелось бы поработать над своей сексуальностью». Потом, когда закончите, снова позвоните ей и скажите: «Спасибо за поддержку».

– Нет, – я встала. – Ни в коем случае.

Интеллектуально я понимала, что в мастурбации ничего плохого нет – этому меня научила доктор Рут. В удовольствии нечего стыдиться. Но на практике я могла получать его только втайне, спрятавшись под одеялом во мраке ночи. Я никогда не разговаривала – и никогда не могла разговаривать – о самоудовлетворении. Призраки монахинь, которые твердили, что секс предназначен только для продолжения рода с мужем-католиком, преследовали меня. На уроке здоровья в шестом классе сестра Каллахан потратила несколько неловких минут на объяснение, что мастурбация – «тяжкий грех, потому что каждый потраченный впустую сперматозоид мог бы стать новой жизнью». Сестра даже не упомянула о возможности, что такими делами могут заниматься и девушки, что ощущалось доказательством, будто девушки никогда не мастурбируют – и делать этого не должны. Говорить об этом вслух немыслимо.

Для моего состояния было специальное техническое название – *сексуальная анорексия*. Анорексия, знакомая большинству людей, – это когда человек жестко запрещает себе питаться. Сексуальная анорексичка типа меня лишала себя секса, западая на несвободных алкоголиков, состоящих в отношениях, не способных на близость или не желающих ее, или заставляя себя заниматься сексом без какого бы то ни было влечения к партнеру. Этот ярлык заинтересовал меня: будучи в детстве пухляшкой, я жаждала ярлыка «худышки», типа «анорексички». Теперь я не была уверена, что этот ярлык мне нравится, но он позволял чувствовать себя менее одинокой. Если для меня и моего состояния есть название, значит, я не одна такая.

Я ни за что не смогла бы «сообщать о своей мастурбации», поэтому уставилась на доктора Розена и помотала головой.

– Но ты же звонишь мне насчет яблок, – напомнила Рори.

– Это другое!

– В чем именно? – уточнил доктор Розен.

– Вы не видите разницы между яблоками и мастурбацией?

Моя голова ушла в плечи при одной мысли о звонке Патрис. Звонить ей было все равно что зажечь сигнальный огонь: «Знаешь, что, мир? Я дрожу!» Это нарушало антионанистиче-

ские правила католической церкви и правило матери «не рассказывать другим людям о своих делах». Данное предписание было возмутительным, извращенным, неосуществимым.

– Хотите мою трактовку? – сказал доктор Розен. – Вы съедали десять яблок после ужина...

– Я дошла до четырех!

– Ладно, четыре яблока, но их поедание не доставляло удовольствия. Вы хотели, чтобы это прекратилось. Прекратить негативные поступки – совсем не то же самое, что получить поддержку для начала поступков, доставляющих удовольствие. Вы сопротивляетесь удовольствию сильнее. Вот почему я даю вам это предписание...

– Которое я не могу выполнить!

Мне следует уйти из группы.

– У вас есть другие варианты, – сказал доктор Розен.

Рори задела мою ступню носком сапога и посоветовала попросить задание помягче. Я глубоко вдохнула.

Так и буду тонуть в отчаянии или найду в себе готовность попросить о том, что мне нужно?

– Можно что-нибудь попроще? – прошептала я.

Доктор Розен улыбнулся и выдержал паузу.

– А как вам такой вариант? Вы договариваетесь с Патрис о ванне.

– И никаких требований, чтобы я что-то делала, или что-то трогала или терла, пока я в ванне?

– Строго утилитарно.

– Пойдет.

Мое тело расслабилось. Я могла принять эту чертову ванну. Я вернулась в игру.

Доктор Розен продолжал смотреть на меня.

– Что? – не поняла я.

– Когда вы в последний раз говорили кому-нибудь, что не готовы сделать то, что вас просят?

В выпускном классе школы я встречалась с Майком Ди, баскетбольной звездой. Он ежедневно курил травку и был моим первым настоящим бойфрендом, поэтому отчаянно хотелось быть хорошей подружкой, что бы это ни означало. До меня Майк встречался с капитаншей команды болельщиц, которая, по всей видимости, великолепно брала в рот. Когда он намекал, что скучает по ее глубокой глотке, я чувствовала себя обязанной сосать его член. Но в свои семнадцать я и «на первой базе» побывала лишь мимоходом, тремя годами раньше. Минеты были территорией «третьей базы», и от моего полного невежества в этом вопросе горло сводило паникой. Куда девать руки? Как долго придется держать его пенис во рту? Каков он будет на вкус? Когда он пихнул мою голову под одеяло, я затолкала страх поглубже в глотку и в живот. Когда попыталась вынырнуть и глотнуть воздуха, а заодно получить отзыв на исполнение, Майк пихнул голову обратно. Под этим одеялом я тысячу раз перетряхивала содержимое вспотевшей головы, каждый раз не понимая, почему мне кажется, что я лишена выбора, слов и права приподнять одеяло, чтобы перевести дух. Или права вообще не сосать его член. Я делала это, потому что хотела быть хорошей подружкой, а они говорят «да».

Когда я училась в колледже, соседка по комнате, Шери, выпускалась на семестр раньше меня. Ее свободолюбивые планы предусматривали валяние на диване в Колорадо, пока не начнутся занятия в аспирантуре. Когда она попросила меня отвезти ее на ее машине в Денвер после вручения диплома, мне следовало сказать «нет». Я должна была быть в Далласе, общаться с семьей и подрабатывать в торговом центре. Везти Шери, ее велосипед и мешок со шмотками в Денвер мне было неудобно и дорого.

Но я сказала «да», потому что от мысли об отказе сводило желудок.

Я хотела быть хорошей подружкой. Хорошие подружки говорят «да».

Прежде чем уехать в Чикаго перед поступлением в юридическую школу, я получила работу в магазине *Express* в том городке, где училась в колледже, продавала шорты-юбки девушкам из сестринства. Через пару месяцев меня повысили до помощницы менеджера. Начальница часто являлась на работу с длинными кровавыми царапинами на предплечьях – нанесенными то ли особо злобной кошкой, то ли серьезной привычкой к членовредительству, – и по нескольку раз в месяц просила «выручить» ее. Сказать «да» означало работать десять часов без перерыва: помощникам менеджера не разрешалось бросать магазин без присмотра, даже чтобы сбежать в закусочную и заморить червячка. Начальница была дома, занимаясь какими-то своими таинственными делами, а я упрашивала грузчика постоять на кассе, чтобы на пару минут отойти в туалет. Однако мне ни разу не приходило в голову сказать «нет». Я хотела быть хорошей служащей, а они говорят «да».

Я думала, что мне положено быть девушкой-«да» как подруге, любовнице, служащей. Девочке, потом женщине в этом мире. Когда кто-то требовал, чтобы я прыгнула, я готовилась прыгать, не думая, что у меня болит живот от голода и что я не знаю дороги до Денвера, и понятия не имею, что, блин, делать с пенисом во рту.

Я ответила доктору Розену, что не привыкла говорить «нет». Он спросил, знаю ли я, в какую цену мне это обходится. Я помотала головой. В какую? Я нравилась людям, потому что была девушкой-«да». Если я буду всем говорить «нет», то... что? Они на меня разозлятся. Будут разочарованы. Будут *несчастливы*. Этого я вынести не могла. Отвага подобного рода присуща другим – вот, к примеру, мужчинам и сексапильным женщинам без эмоционального багажа.

– Если вы не сможете говорить «нет» в отношениях, значит, не можете быть ни с кем близки, – сказал доктор Розен.

– Повторите еще раз, – я замерла, чтобы каждое слово впиталось внутрь меня, сквозь кожу и мышцы, и угнездились в костях.

– Если вы не можете сказать «нет», не может быть никакой близости.

Люди постоянно говорили мне «нет», а я все равно любила их. Может, именно этому их учили в школе, пока я объедалась печеньем и составляла плейлисты из песен Лайонела Ричи и Уитни Хьюстон?

* * *

Пока моя ванна на львиных лапах наполнялась пенистой, пахнувшей лавандой водой, я оставила Патрис голосовое сообщение, выполнив первую часть задачи. Я нарочно набрала номер ее сотового, потому что знала: по вечерам она его выключает. Задержала дыхание и скользнула в почти обжигающую воду. Пузырьки лопались с тихим шорохом. Я положила голову на твердый фарфоровый край и выдохнула. В груди ныло – намек на то, что я могу вот-вот заплакать, – но я зажмурилась и потрясла головой. Не хотелось рыдать – хотелось быть нормальной, мать ее, женщиной, принимающей ванну, чтобы расслабиться. Через две минуты захотелось вылезти. Я выполнила предписание, проглотила горькое лекарство. Теперь есть другие дела, например, сделать три звонка трем разным членам группы.

Но потом я прижала ладони к сердцу и глубоко вдохнула. Слезы вскипели на глазах, и я не стала их удерживать. Я ощущала облегчение. Сильное, низвергающееся водопадом, чистое облегчение. *«Нет» может быть и моим правом.*

Все остальные умели говорить это слово. Моя соседка по комнате, Кэт, была откровенной, нахальной и безопасной. В колледже она послала в пешее эротическое путешествие одного

члена «фи-дельты», любителя полапать девчонок, когда тот предложил ей сделать ему минет. Ее не лупил в живот кулак тревожности, утверждая, что она должна взять у него в рот. Мой упрямый братец в нежные пять лет целый час давал отпор родителям, настаивавшим, чтобы он откусил хотя бы кусок сэндвича с тунцом. Он выиграл противостояние, в то время как я заставила себя съесть все до последней пропитанной майонезом крошки, вместе с коркой и всем прочим. Карлос наехал на доктора Розена, заявив, что не собирается приносить с собой гитару и петь для группы.

А я в это время мечтала об уходе из группы, чтобы мне не пришлось смотреть на доктора Розена и говорить: «Нет. Я не могу сообщать о своей мастурбации Патрис».

Я сложила ковшиком ладони, набрала в них воды и выпустила ее сквозь пальцы. Я всегда ненавидела ванны. Что такого расслабляющего в погружении в воду, когда больше не на что смотреть, кроме кафельных стен или частей моего тела под пеной? Я терпеть не могла смотреть на свое тело, в итоге всегда разбирая его на составляющие: небритые ноги, пальцы ног без педикюра, незазорные груди, живот не в тонусе, негладкие бедра. Пристальное рассмотрение и стыд убивали все удовольствие, которое полагалось получать от принятия ванны – времяпрепровождения, предположительно обожаемого всем женским родом.

Я по-прежнему видела вот это все – облупившийся красный лак, волосатые ноги, бугристые бедра. И по-прежнему чувствовала, как жар стыда покусывает кожу. Но одновременно за хвостом стыда гонялась искра чего-то более светлого и прохладного, и вдруг мелькнула крохотулечная мыслишка, что у меня могли бы начаться иные отношения со своим телом, а потом, может быть, и с другими людьми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.